

Пономаренко Елена

Опаленное детство

сборник рассказов

Караганда 2012

Пономаренко Елена

Опалённое детство

Сборник рассказов

Караганда 2012

84.R74PUC

П56

Сборник рассказов лауреата премии «Золотая строка 2010», детского писателя Пономаренко Елены посвящён детям, пережившим войну, перестрадавшим её. Нет ничего священнее для нас, как память о былой войне. О переживаниях маленьких детей, о подростках во время войны, о потерях и испытаниях, которым они подверглись рассказывается в этой книге.

Основной нитью произведения проходит раскрытие характеров героев, желание помочь, своими действиями доказать способность бороться против врага, немецких оккупантов. Сборник рассказов – это не вымысел, все рассказы записаны со слов конкретных свидетелей: наших с вами земляков – Карагандинцев. Книга посвящена великой дате: Дню Победы нашего народа в Великой Отечественной войне. Адресована подросткам, молодому читателю. Может быть использована в школах при проведении «Уроков мужества», исторических экскурсов Караганды и Карагандинской области.

*Книга издается в рамках проекта
«Фестиваль «Мы-карагандинцы»*

*Автор благодарит акима города Караганды Бауржана
Абдишева за поддержку и возможность издания книги*

ISBN 978 – 517 – 0543 - 8

97888205428

П_____

48211(12)115

Остался за старшего

В этот день солнце светило так тепло, и даже совсем не верилось, что мой отец уходит на войну. Мама с папой думали, что мы ещё спим, а я лежал с сестрёнками и мы втроём тихо-тихо плакали.

Мы видели сквозь тюль, как папа долго целовал маму – целовал лицо, руки, и были удивлены тому, что он никогда её так крепко не целовал. Потом они вышли во двор, мама громко запричитала, повиснув у отца на шее. Тогда и мы выскочили, подбежали к отцу, обхватили его за колени. А он нас почему-то не успокаивал, только наклонился и обнимал всё крепче и крепче, прижимал к себе.

– Будет тебе, будет, Люба, – сказал отец немного нас, отстраняя от себя. – Детей напугаешь! Береги их! Постарайтесь выехать их Минска и, чем быстрее, тем лучше.

– Василь! – совсем по-взрослому обратился ко мне отец. – Ты остаёшься за старшего. Смотри, сын, когда вернусь, чтобы все были живы и здоровы. Матери во всём помогай, сестёр не смей обижать! Помни, ты теперь остаёшься за старшего, – повторил он мне.

– Годков бы ему поболее, – вытирая слёзы, сказала мама. – А то всего-то шесть...

– Уже шесть!! – поправил мать отец. – Мужчина растёт, защитник! – и отец ласково потрепал меня за волосы.

– Правильно я говорю, сын? – спросил он у меня, наклонившись. – И не плакать больше. Хватит, Люба, слёз. Мне надо идти. Ждите писем. Сын, проводи меня до поворота.

Мы шли с отцом и ни о чём не говорили, просто шли молча. Я старался успевать в такт его шагов, но получалось плохо: отставал от отца. У поворота он ещё раз прижал меня к себе.

– На, сын, сохрани! – отец снял с шеи на нитке крестик и передал его мне.

– Обязательно сохраню, папка, – ответил я ему.

Мы попрощались. Тогда я не представлял и даже, не думал, как нам будет трудно без него. Там, у поворота, я долго стоял и махал ему вслед.

... Сразу как-то опустел наш дом, а пёс Полкан встретил меня воем. Мама выскочила на крыльцо и запустила в него ботинком, а мне стало, его жаль. Я обнял собаку, прижался к его мохнатой голове и хотел, было заплакать, но вспомнил наставление отца: «Ты теперь старший, береги мать и сестёр...»

Мама собирала чемоданы, складывала в них самое необходимое. Нас должны были эвакуировать. Сёстры, пока, видимо не осознавали всего случившегося, мирно играли со своими тряпичными куклами Манькой и Санькой. Да и малы они были, чтобы осознать, что такое война.

Кате было три, а Ленке – четыре. Мама их называла «погодки». Это оттого, что разница у них была всего один год, так потом мне объяснила она значение нового для меня и мудрёного слова.

– Сынок, как же мы теперь будем? – тихо спросила меня мама.

– Мам, но мы ведь не одни такие! У Лёшки, Сёмки, у многих моих друзей ещё вчера папки и братья ушли на войну, – ответил я ей.

... Нас довели до шоссе и машина почему-то, заглохла. Водитель – дядя Коля долго не мог её отремонтировать. Потом вдруг появились самолёты, они летели низко-низко. Сначала я подумал, что это «наши», и стал приветствовать их своей белой панамкой, крича: « Ура- ура!»

– Ложись! Ложись, малец! – услышал я голос шофёра – Это – фрицы! Отойдите все от машины! Он, ведь, гад не разбирает: женщины, дети, старики. Сейчас точно начнёт бомбить, а то того хуже, расстреливать из пулемёта.

Я схватил в охапку Катю и Ленку: девчонки оказались такие тяжёлые! Раньше я их только по одной поднимал.

– Больно, Василь! – запищала недовольно Ленка.

– Терпи! – грубо ответил я ей.

Я только успел спрятать девчонок в кустах, когда, словно горошины, посыпались из самолёта бомбы. Вдруг мне показалось, что я увидел маму – она бежала к нам с чемоданами, но была ещё далеко от нас.

А бомбы свистели и падали, падали и свистели. Грохотало всё вокруг. Землёй засыпало меня и Ленку. Катя рядом сильно кричала и плакала. Она с детства боялась грозы, и думала, наверное, что это гром. Я зажмурился и закрывал ладонями уши, но даже в таком грохоте слышен был её испуганный крик.

– Ленка, откапывайся, откапывайся! – кричал я сестре. Мне, казалось, она так всё медленно делает.

– Чего ты копаешься, Ленка? Быстрее, быстрее надо! – отбросив с её платья землю, понял, что её просто оглушило. Она была вся как ватная, похожая на свою куклу Маньку.

— Мапочка, где ты? — и я что есть, силы закричал. — Что мне с ними делать?

Но голоса мамы в ответ не услышал, отчего мне стало ещё страшней.

Откопав, наконец, Ленку и усадив ей на руки Катю, я окинул взглядом всё поле, но мамы нигде не было видно. Машина, в которой мы ехали, горела у дороги и дядя Коля, никуда не убежал, как мы, а лежал возле машины, широко раскинув руки.

— Дядя Коля, дядя Коля! — закричал я, но он не шевелился и не откликнулся...

— Надо обязательно к нему пробраться и, может быть, там найду и маму. Я, видимо, не так сильно кричу, как бы хотелось. Он просто меня не слышит.

— Ленка, Катя! Я пойду за мамой! А вы никого не бойтесь, сидите тихо-тихо! — стал шёпотом я уговаривать сестёр. Но эти противные девчонки, трусихи, вцепились в мою рубашку и не отпускали.

— Мы без тебя не останемся, Василь! Страшно! Тебе папка что сказал: нас не бросать, а заботиться, а ты? — с укором ответила мне Ленка и умоляюще посмотрела на меня.

— Тихо, сам знаю! Разнылась! Отпустите меня, девочки! Я быстро: только туда и обратно, хорошо? — пытался уговорить их. — С каким удовольствием тебя сейчас треснул бы, Ленка!

И девочки послушно разжали кулачки, высвободив меня от плена. Я ползком пробрался до первой воронки. Она была самая глубокая. Когда ближе подполз и заглянул туда, увидел наш чемодан. Я узнал бы его из тысячи: зелёную ручку мы с папкой вместе прикручивали, тогда ещё он мне поранил палец и было очень больно.

— Мама! — оглянулся и позвал я ещё раз. — Мапочка! — Если нашёл чемодан, то сейчас найду и маму, — подумал я.

Самолёты отбомбили и стали разворачиваться. Рядом со мной пули просвистели свою песню:

— Фив, фив, фив!

— Вот, гад, когда ты только улетишь? Папка мой вас всех перебьёт! Он знаешь, какой сильный?! — прокричал я самолёту вслед, показывая кулак.

... Маму я увидел совсем неожиданно. Она лежала вниз лицом, платье её задралось, отчего были видны чулки на резиночках.

– Мама, Мамочка! – бросился я к ней. Наконец-то я тебя нашёл! Сейчас, сейчас тебе помогу! Ты только потерпи!

Перевернув её, я испугался открытых, смотрящих не на меня глаз, совсем не добрых маминых, а глаз, измученных болью и тревогой. На груди её платья расплылось большое красное пятно. Приложив к нему руку, я сразу понял, что это была кровь. Её было так много, этой крови. Совсем не столько, когда я падал с горки: кровь тонкой струйкой бежала тогда по колену, а я терпел и не плакал.

– Мама, ты слышишь меня? Ты знаешь, Ленка тоже меня не слышит! Её оглушило. Я её с Катей оставил в кустах. Мамочка! – я попытался приподнять её голову, но она упала на траву, когда прикоснулся губами к щеке – она была ещё тёплая.

– Мама, вставай! Хватит лежать! Самолёт уже улетел, – закричал я, как только мог.

Но мамочка смотрела на меня и ничего не отвечала мне, ничего...

– Василь! – от этого голоса я вздрогнул. Когда повернулся, увидел тётку Марусю, нашу соседку.

– Боже, горе-то, какое! Люба, Любочка! – увидев маму, закричала тётка Маруся. – А девочки, сестрёнки твои где, Василь?

– Ленку и Катю я в кустах спрятал, а сам пошёл маму искать... Вот и нашёл..., – тихо ответил ей Василь, показывая рукой на мать. Ответил, так будто боялся разбудить её, только что уснувшую, а не умершую.

Тётка Маруся причитая и плача, обняла меня. Я уткнулся ей в кофту, расплакался...

По дороге в сторону Слуцка проезжала военная машина. Солдаты быстро стали оказывать всем помощь: кого перевязывали, кого успокаивали.

Маму и всех, кто попал под бомбёжку, похоронили в одной большой воронке. Я вернулся к Ленке и Кате, вытирая слёзы по дороге, помня, что плакать мне теперь нельзя, так просил отец, оставляя меня «за старшего». Ленка тихо плакала от страха, размазывая по грязному лицу слёзы, а Катя, долго не могла прийти в себя.

...Нас сдала в детский дом тётка Маруся – на станции Нежесть.

– Где мама, где наша мама? Когда она придёт? Когда выздоровеет? Почему её забрали дяденьки солдаты? – задавала мне нескончаемые вопросы Ленка.

А я не знал, что ей ответить... Как сказать им правду? Как??
Как сказать, что маму убили?!

***

Трудовая биография

Моя сестрёнка Олеся родилась двадцать первого июня...

Мы с отцом купили большой букет цветов, и пошли проведать маму и мою сестрёнку.

– Почему не брат? – сокрушался я. – Зачем, скажи, зачем нам с тобой, девчонка, папка? И какая от неё будет польза? Так хотелось брата!!!

– Сестра тоже неплохо! – успокаивал меня по дороге отец. – Ты её теперь будешь защищать, не давать своим друзьям в обиду. Когда она подрастёт, непременно будет пришивать тебе пуговицы, обеды научится вкусные готовить, да и по дому будет помощница. Так, что сестра – это не так плохо сын! – обнял меня отец.

– Как представляю, что вы её теперь больше любить будете – обидно становится, – не унимался я.

– О, да ты не простой, фрукт! Ревнуешь? – и отец любя потрепал меня за волосы.

– Не ревную, а предупреждаю! Любить не забывайте!

– Не волнуйся, брат, не забудем! – рассмеялся отец.

... Мы увидели маму в окне, в руках она держала небольшой свёрток, а в нём, как мне пояснил отец, и была моя сестра. Мама что-то говорила и показывала, улыбаясь на этот свёрток-сестру, но, что она показывала? Первое впечатление от сестры у меня осталось совсем нерадостное, и кому из нас я так и не разобрал, что-то кричала и показывала наша мама?

– Это когда она научится пришивать мои пуговицы? – размышлял я, совсем не веря тому, что сказал мне отец.

Отца срочно утром вызвали на завод и он попросил меня сходить к маме и сестре, передать им яблоки, молоко.

– Только я никак не мог понять, как моя маленькая сестра сможет раскусить и съесть эти большие зеленые яблоки.

– Думаю, она не обидится, если поделится со мной яблоком, – решил я и откусил самое сочное и зеленое яблоко. Настроение немного улучшилось. Подойдя к больнице, с мудрёным названием: «Роддом №1», я увидел суетящихся людей в белых халатах. Одна тетенька чуть не сбила меня, проговорив:

– Не мешайся, мальчик, не мешайся! Уходи домой!

– Я к маме, – ответил я ей. И к Олесе, сестре моей, пришёл, она вчера только родилась. Меня отец прислал.

Женщина остановилась и вдруг прижала меня к себе, говоря:

– Господи, он же ещё ничего не знает! – потом отстранила меня и, глядя в глаза, спросила:

– Ты разве не знаешь, что война началась? Беги домой. Роддом мы уже эвакуировали. Беги, дитяtko, беги! Нет здесь уже никого!

– А мама? – я крепко ухватился за её халат. Куда вы дели мою маму? – и я заплакал, почему-то, почувствовав, что уже никогда не увижу её.

– Алексей Андреевич, грузите последних! – командовал человек, одетый в военную форму. – Скорее, скорее! Поторапливайтесь! Времени нет, должны успеть проскочить, через час будет уже поздно! – отчего-то кричал этот военный человек.

– А мама моя, где? – плача я подошёл к нему.

Он посмотрел на меня, потом задумался и сказал, потирая лоб:

– Что же мне с тобой делать? Ты совсем один остался, малыш? – и он наклонился ко мне, вытирая мне слёзы.

– Нет, что вы, у меня папка есть. Он на заводе работает, – ответил я ему.

– Тогда беги домой, беги, сынок, скорей! Никого здесь не ищи! А отцу своему передай: всех женщин и детей сегодня утром эвакуировали ещё в десять часов утра. Всё понял? – переспросил у меня военный.

– Понять- то я понял, но как мы теперь найдём маму и сестру мою Олеську? – опять задал я ему вопрос.

– Мальчик, уходи! Всё что я знал, уже сказал тебе, – ответил уже сердито военный.

Но я опять преградил ему путь:

– Она такая красивая, у неё светлые волосы, голубые глаза. А Олеську я и не видел ещё... Может быть, вы видели их, когда была ваца эта эвакуация! – и я с трудом выговорил мудрёное слово.

Военный вдруг улыбнулся, но мне так же строго ответил:

– Нет, не видел такую женщину.

Он побежал к машине и на ходу взобрался в кузов, потом на повороте я увидел, как он машет мне рукой. Только не понятно было: звал ли он меня к себе, либо так прощался...

Дома меня ждал отец. С порога так хотелось рассказать ему о том, что видел и слышал, но отец многозначительно взглянул на меня. По его взгляду было всё понятно: он уже всё знает.

– Как же папка нам маму отыскать? – спросил я у отца, надеясь получить исчерпывающий ответ.

– Не знаю, сын!!! Завтра будут эвакуировать завод, а значит, мы поедem с тобой в город Свердловск.

– А если мама вернётся? Мы разве можем так с тобой уехать? Нет, ты как хочешь, а я буду ждать маму здесь, – совсем повзрослому ответил я отцу.

Отец обнял меня и тихо сказал, смотря мне в глаза:

– Сынок, я обещаю тебе, что обязательно мы их найдём! А ехать просто необходимо: на войне, понимаешь, нужны самолёты, танки и патроны. Попробуем найти их через тех, кто сегодня проводил эвакуацию...

– Всё больничное погрузил на машины военный, да и где мы его найдём – он тоже при мне уехал? Я сам это видел, папка! А мы их победим? – вдруг спросил я у отца. И он понял, о ком я говорил.

– Даже не сомневайся! Сынок, и маму с Олеськой обязательно найдём, в это просто надо верить и набраться терпения... Нам сейчас ничего не остаётся делать, как ждать и верить в победу.

– А если мама нам будет письма писать на наш адрес? И почтальон тётя Поля их непременно принесёт только сюда? Тогда как? А мы не сможем ей ответить. Она точно подумает, что нас с тобой убили, или мы умерли? – спросил я и заплакал.

– Поплачь, сынок! Это меня тоже тревожит. Не стесняйся... Как хочется, чтобы это были твои последние слёзы... Мне надо на завод, а ты собирай вещи в наш большой кожаный чемодан.

... Только через год мы получили письмо от мамы. Моя сестра и мама в дороге сильно переболели и их пришлось оставить на какой-то станции. Потом долго-долго лечили в больнице. А я к тому времени работал уже на заводе, правда ростом был меньше всех и мне всегда подставляли стульчик к станку...

Так началась моя трудовая биография: опалённая войной, несчастиями и страданиями. С нами обращались как с

взрослыми, советовались тоже как с взрослыми, и карточку мы получали «взрослую» – рабочую.

***

Девочка с разными бантами

Каждое лето нас родители отправляли в пионерский лагерь. В этот год нам не пришлось отдохнуть: началась война...

Утром всех собрали, и директор лагеря объявил, что будет эвакуация. А наша воспитатель Ольга Петровна, собирая нас, почему-то всё время повторяла:

– Надо успеть уехать, надо успеть!!!

Нам объяснили, что те самолёты, которых мы видели утром, вовсе были не «наши», не советские. От них было всё небо чёрное, так их было много.

– Только почему их тогда не сбивали? И кто их пропустил на наше небо? – хотелось такой вопрос, задать мне и Пашке было, но всем сейчас было не до нас.

Ольга Петровна, увидев эти самолёты, всё время шептала одно и то же:

– Как же мне вас сохранить, дети? Как же мне вас вывезти?

Нас всех разделили по десять человек и в этой уже поделённой группе, мы оказались с Пашкой самыми старшими. Малышне было по шесть - семь лет, а нам с Пашкой целых восемь... Поэтому мы смотрели на них свысока.

– Мальчики, помогите, пожалуйста, мне связать вещи, – попросила нас Ольга Петровна.

Какая гордость охватила нас, и мы наперегонки бросились выполнять боевой приказ.

Наш воспитатель складывала в большую наволочку какие-то кофточки и свитера.

– Ольга Петровна, кому нужны сейчас летом, эти тёплые вещи? Эти кофты и чулки? – спросили мы её удивлённо.

– Путь у нас неблизкий. Неизвестно, что нас с вами ждёт впереди, складывайте всё в наволочку. Ещё малышей в дорогу нужно собрать. Я очень надеюсь на вашу помощь, мальчики! – и с улыбкой смотря на нас, добавила: – Мужички вы, мои!

– Ольга Петровна, а как же родители? Они к нам в субботу должны были приехать, отец обещал билеты в цирк купить...

Она взглянула на нас, задумалась и, наконец, ответила:

— Серёжа, прости, но я ответить на этот вопрос никак не могу, потому что ничего не знаю. К кому приедут, а к кому и нет. Началась война...

— И мы тоже будем воевать? — радостно выкрикнул мой друг Пашка.

— Воюют только взрослые, а нам велено собрать в дорогу малышей, понятно!

— Можно выполнять? — и мы с Пашкой приложили руки к головам.

— Исполняйте! Разрешаю! — ответила нам в тон заданного вопроса Ольга Петровна.

...Какие всё же противные девчонки! В этом я убеждался неоднократно! Бантики, косички, платица... То не так застегнул, то на левую сторону одел, то косичку заплёл неправильно, то бантик надо не красный, а синий! Честно сказать, процедура эта нас с Пашкой утомила. У Пашки получалось всё лучше, чем у меня, отчего я расстроился. Оно и понятно: у Пашки была младшая сестра — Катюня, и поэтому он быстрее меня одел всех своих четырёх девочек, а потом только стал помогать мне. Но к приходу Ольги Петровны все были одеты.

— Молодцы, ребята! — похвалила она нас, — Благодарность вам от лица командования в виде конфет. И она протянула нам по коробочке «Монпансье», от чего настроение моё сразу улучшилось.

Ещё она принесла два рюкзака с продовольствием и назвала их странным словом — «сухой паёк».

— А что такое «сухой паёк»? — сразу же переспросили мы её.

— Так положено, чтобы с голоду в дороге не умереть, одним словом — это продукты.

Машина, которая нас должна была вывозить, почему-то не приехала, и было решено добираться до города пешком.

Пересчитав малышню, мы взялись за руки, предварительно закинув на плечи рюкзаки с «сухим пайком» и пошли. Они оказались не такими уж лёгкими эти, рюкзаки, но мы с Пашкой даже виду не показали, что нам тяжело!

Когда вышли к дороге, увидели очень много людей. Все они, как и мы, шли, куда-то с баулами, чемоданами. И лица у всех были одинаковые: грустные-прегрустные.

Девчонки наши всю дорогу канючили! Одно слово «нюни»! Самую маленькую из них Оксану Прозерчук пришлось Ольге

Петровне нести на руках, но почему-то её Ольга Петровна совсем не ругала, а только успокаивала:

– Девочка моя хорошая.

А надо было сказать так:

– Девочка моя противная, – подумали мы с Пашкой и зло посмотрели на Оксанку.

Так совсем незаметно мы все влились в поток и стали называться «беженцами».

Наконец Ольге Петровне удалось усадить нас на подводу, к какому-то проезжающему мимо вознице. Но пока нас рассаживала всех, среди нас не оказалось Оксаны.

– Мальчишки, дорогие мои! Вы её не видели?

– Нет. Ольга Петровна! – ответили мы, посмотрев друг на друга. – Она же всё время рядом была.

– Господи, куда она могла деться? – озираясь, испуганно спросила у нас Ольга Петровна. – Ребята, давайте покричим дружно: три, четыре.

И мы все заорали:

– Оксана! Оксана!

Но девочка не откликнулась. Мы с Пашкой заорали во всю силу, потом ещё и ещё. Всё впустую. Нам никто не ответил.

– Что, потеряли кого? – участливо спросил нас возница.

– Девочку, самую маленькую! Она совсем маленькая, у неё светлые волосы, глаза голубые, в синем сарафанчике. У неё ещё один бантик красный, а другой голубой! – со слабой надеждой продолжил я.

– Так у вас, почитай, у всех белые головы да голубые глаза, – ответил мне дядька. – Немного подожду и надо ехать. А вы давайте ищите, не стойте! От самой Польши текаем. Нашу деревню сожгли, – и дядька устало провёл рукой по лицу.

– Мальчишки, родненькие, давайте её поищем! Ты, Серёжа, вперёд пробеги, а Паша со мной пусть здесь посмотрит, да немножко назад возвратится, – совсем удручённо попросила нас Ольга Петровна.

Мы с Пашкой побежали в разные стороны, выполняя приказ нашего командира.

Пробежав довольно далеко вперёд и всё время крича, я понял, что впереди девчонки быть не должно. Я стал возвращаться к своей телеге. По пути я постоянно спрашивал у шедших людей про Оксану, описывал её как мог.

Но встречающиеся люди, отрицательно качали головой, либо проходили мимо, совсем не глядя на меня.

– Куда же она могла деться? Пропасть ведь не могла?
Девчонка – это же не иголка. Кто-то должен был её увидеть.

И я ещё раз закричал:

– Оксана! Оксана! Оксана!

– Сестру потерял или мамку, мальчик? – остановилась возле меня женщина.

– Девочку! Она мне никто, но её просто необходимо найти! Мы все шли вместе, и вот потеряли только её... – ответил я женщине, вытирая предательски выкатившуюся слезу.

– Не мудрено потеряться! Смотри, сколько люду идёт? Какая она, твоя пропавшая девочка?

И я в который раз стал подробно объяснять, во что была одета Оксана, и что она была самая маленькая среди нас.

Женщина вдруг остановила меня, перебивая:

– Подожди, подожди! Видела я такую девочку! Её, плачущую, взяла на руки проходящая мимо женщина. Ты узнаешь её по ярко-зелёной шали. Но она давно обогнала меня и, видимо, с ней идёт впереди нас. Беги, может, догонишь?

– Спасибо, тётяшка! – крикнул я ей уже на бегу.

– Удачи! – услышал я в ответ.

Пробежав приличное расстояние, успевая смотреть на всех попадающихся мне женщин с детьми и без детей, я с прискорбием отметил для себя, что не смог увидеть, именно такую женщину. Не было её, как будто совсем исчезла...

Как мне захотелось вернуться назад, к своим, потому что боялся теперь и их потерять, отстать и более никогда не увидеть ни Ольги Петровны, ни моего закадычного друга Пашку.

И всё-таки я повернул назад, считая, что поиски мои становились бесполезны.

– Куда могла пропасть эта женщина? Куда она могла деться? – в который раз я задавал себе один и тот же вопрос.

Вдруг взгляд мой остановился на молодой женщине, она несла на руках спящую девочку, завернутую в ярко-зелёную шаль. До боли знакомые, страшно мною заплетённые косички, разные бантики: один синий, другой красный...

– Оксана! – заорал я. Совсем не помню, как очутился возле женщины, чуть не сбил её, затем обхватил голову Оксаны руками, притянув к себе.

Женщина остановилась, а Оксанка проснулась и начала плакать.

– Что с тобой, мальчик? – спросила меня женщина. Но я её нисколько не слушал. Смотрел на Оксану и слёзы сами покатались у меня из глаз.

– Плачь, плачь! Реви! – кричал я Оксане. – Понимаешь, я нашёл тебя, нашёл! И ты теперь никогда не потеряешься! Ты слышишь меня, или нет? – всё это я выпалил сразу, ни на минуту не останавливаясь, целуя её в пухленькие щёчки.

Женщина ещё более удивлённо смотрела на меня, а потом и вовсе отстранила от плачущей Оксаны.

– Мальчик, чего тебе? Эта девочка – твоя сестра? – спросила женщина, пытаясь хоть как-то успокоить Оксану. – Тише, тише!

– Нет не сестра, но я её вам тётя не отдам! Она не ваша, а только потерялась! Мы все долго-долго ищем её: и я, и друг Пашка, и Ольга Петровна!!

– Она шла одна по дороге и плакала, звала маму. Я подобрала её, точно зная, что ребёнок потерялся, – оправдывалась передо мной женщина.

– Спасибо! От нас всех спасибо! Вы даже не представляете, как будет счастлива Ольга Петровна? Давайте мне Оксану!

– Нет уж! Пойдём вместе! – ответила мне категорично женщина.

– Вы что мне не доверяете? – спросил я её обиженно.

– Доверяю, но так мне будет спокойнее. Меня тётей Лизой звать. Так, где же ваша Ольга Петровна? – поглядывая на меня, спросила женщина.

И мы двинулись с ней в обратную сторону.

– Далеко ты оставил своих-то? – с подозрением спросила меня тётя Лиза.

– Теперь не помню! Знаю только, что их всех посадил на подводу какой-то дядёнка, а нас: меня и моего друга Пашку послала искать эту противную девчонку Ольга Петровна, – и я смело указал пальцем на Оксану.

Вернулись назад. Но почему-то ни Пашки, ни Ольги Петровны, ни подводы не встретили.

– Что будем делать? – спросила меня, как взрослого, тётя Лиза.

– Получается, теперь я потерялся? И всё из-за этой дурочки! – сказал я, показывая пальцем на Оксану.

– Получается, так... – вздохнув глубоко, ответила на мой вопрос тётя Лиза.

– Но вы ведь нас не бросите? Не оставите? Скажите, честно, не оставите? Хоть до города давайте вместе дойдём! – попросил я её, умоляюще.

Так мы дошли до города. Тётя Лиза мне чем-то напоминала мамину сестру: такая же высокая и кареглазая. По дороге Оксана больше спала, уже не плакала. И мне почему-то стало спокойно, как будто и не было войны, эвакуации, и всего того ужаса, который я пережил, пока искал Оксану.

Ольгу Петровну я увидел в отделении милиции на вокзале, куда меня и Оксану привела тётя Лиза.

Она минут пять целовала нас, обнимала и, конечно, сильно плакала. Плакала с нами вместе и наша спасительница – тётя Лиза...

***

Чужаки

Горел Минск и его округа... Третьи сутки слышались разрывы бомб и снарядов. Казалось, что небо сравнялось с землёй. Мирные жители спешно покидали деревни и города. И наша семья была не исключением, она тоже покидала свою деревню: соседнюю уже заняли немцы.

Бабушка полила хорошенько цветы на подоконниках, плотно закрыла окна и двери. Я как мог, отказывался ехать, пытаюсь мотивировать свой отказ.

– Не могу я бабушка ехать, просто не могу! Без Люськи не поеду! Как она нас найдёт? Кто скажет ей, куда мы делись?

– Уймись, не тараторь! Без тебя тошно! – оборвал меня дядька Иван.

... Котёнком – белым и пушистым комочком принёс я Люську домой, выловив с пацанами в реке. Помню, тогда мне бабушка сказала:

– Не мучайся, внучек, всё равно сдохнет, видать воды нахлебалась вдоволь... Худющая - то какая.

Но молока ей налила, а мне бросила тёплую свою шаль.

– На- ко, вот, укутай, замёрзла вся, трусится. Прижми к себе пошибче, согреть надо.

Котёнок выжил, и с ним я теперь не расставался: она спала со мной, по утрам будила, до школы провожала, благодарно урчала и тёрлась о мои ноги. Друг она была хоть и молчаливый, но верный!

– Внучек, мы оставим ей открытую форточку, и, поверь, она зайдёт, когда ей надо, – уговаривала меня бабушка.

– Да, что вы нянькаетесь с пацаном? Невидаль, кошка! Спасаться надо пока не поздно! – взглянув на меня, проговорил наш сосед дядька Иван. – Другую себе возьмёшь! Слава богу, кошкина мать не перевелась!

– Да как вы не понимаете, что не нужна мне другая! – продолжал сопротивляться я.

– Собирайся, внучек! – спокойно сказала бабушка. – А ты, Иван, не ори на дитя! Трудно сейчас всем, и большим и малым...

Она обняла меня и заплакала, вытирая фартуком глаза.

– Бабушка, а мы вернёмся?

Она взглянула на меня. Немного помолчала, затем, как бы взвешивая каждое слово, ответила:

– Вернёмся, внучек! Обязательно вернёмся! Как же мы без дома- то своего, без нашего родного дома?

Скрипнула калитка, и во двор вошла соседка. Она несла на руках свою внучку Катюшку.

– Акулина, беда у меня! Посмотри, что с ней? С ночи горит! Ничем не могу сбить температуру: уже и травами отпаивала, мёдом растирала, уксусное обёртывание делала – ничего не помогает. Сгорает просто от температуры девчонка! – и бабушка Агаша стала разворачивать одеяло.

Все у нас в семье, да и в деревне знали, что бабушка Агаша ей и за мать и за отца. Ровно год назад случилось это несчастье. Катюшкины родители попали в городе под грузовик, её успели отбросить, а сами уберечься не смогли...

Тогда всем селом переживали эту трагедию и дети и взрослые.

– Пойдем в дом! – испуганно взглянув на усталое и встревоженное лицо соседки, сказала моя бабушка. – Давно бы пришла, чего тянула?

– Ночью не хотела вас беспокоить. Да и думала, сама справлюсь. А на деле видишь, как, оказалось? – удручённо проговорила бабушка Агаша.

Они прошли в дом, а мы остались ждать на улице. Всё ближе и ближе были слышны взрывы. Что-то ухало и ахало в соседней деревне, слышались стрельба из автоматов и одиночные выстрелы...

– Уходить надо, в лес уходить! В деревни, я думаю, опасно будет заходить... – то ли себе, то ли нам с дедом сказал дядька Иван, выкуривая цыгарку. – Что же они там так долго?

Наконец бабушка вышла из дому, ещё больше встревоженная.

– Мы остаемся с Агашей. У девочки по-видимому корь. Тепло и тепло нужно, если повезем, обречём на смерть... Вся мечется бедняжка в бреду, температура почти сорок, – взволнованно проговорила моя бабушка. И тут же обратилась к моему деду:

– А вы уходите, нельзя оставаться, да и Лёня может заразиться... – посмотрев на меня, сказала бабушка.

– Вот беда, так беда! Мама, что же делать? Стреляют вокруг. Но как мы вас оставим? Сердце разорвётся от тревоги. Мама, мы останемся! – пыталась убедить бабушку моя мама.

– Нет, мой сказ! Уходите, уходите в лес. Лёньку береги, Анна! А теперь идите!

... Но уйти мы не успели. Все чётко услышали, как на окраине нашего села послышались выстрелы, кричали на непонятном мне языке люди, гудели машины.

Я посмотрел на деда и тот ещё крепче сжал двустволку в руках.

– Иван! Выходит, здесь воевать будем, коли уже немец в нашем селе.

– Акулина! Хуже ей! Совсем сознание потеряла. Господи, помощи! Помогите, люди добрые!

Моя бабушка и мама сразу побежали на крик, а весь наш скарб дед с дядькой Иваном поспешно стали прятать в сарай.

У дядьки Ивана, как мне объясняла бабушка, с рождения была только одна рука, но он от этого увечья не страдал. Научился хорошо владеть и одной рукой. Сейчас глядя на него, я ещё раз убедился в этом, а на ум пришли слова, сказанные моей бабушкой: « Ко всему человек привыкает, внучек. И к увечью тоже».

– Лёнька, чего задумался? Помогай, сынок! После будешь мечтать, – окликнул меня дед.

И я стал стаскивать мешки и баулы в сарай.

– А теперь, малой, спрячься! И не вздумай высовываться! Я к Акулине! – сказал мне и Ивану дед.

После того как он ушёл, мне стало страшно.

– Дядька Иван, а дядька Иван, – позвал я его. – Тебе страшно?

– Отчего ж, малец, ты думаешь, что мне не страшно? – подумав, продолжил. – Война, браток, всем и всегда страшно! Эх, жаль, что не успеем спрятаться в лесу... Там то всё равно понадёжнее было бы. Мы с твоим дедом все тропочки в округе знаем. До глухой пади надо дойти, а там у нас и избушка для охотников специальная и провиант кое-какой припасён. Не пропали бы... А тут девчонка со своей бедой. Уж больно жалко мне вас, когда болеете! Своих- то бог не дал, так к чужим всем сердцем прикипаю! – объяснял он мне. – Ты не обижайся на меня, крикнул давеча я на тебя! Так это не со зла, вырвалось.

– Да уже всё забыто... Ну, подумаешь, крикнул? Так и что? На меня по сто раз в день кричат, воспитывают мама и бабушка. И от деда достаётся!

Дверь распахнулась, и мы увидели в проёме моего деда.

– Доктора надо! – сказал дед с горечью. – Погибает совсем девчонка! Иван, я в Ольховку. С ними останешься... Покуда я не вернусь, – и он, взглянув на дядьку Ивана, поспешно вышел. Затем вновь вернулся и передал свою двустволку Ивану. – Сам на рожон не лезь. Всё, пошёл я. Дверь сарая тихо закрылась за ним.

Иван почувствовал моё настроение, стал меня успокаивать: «Не робей, брат! Прорвёмся! Думаю, что до Ольховки они не успели дойти... Правильно дед решил: в Ольховке докторица хорошая – все к ней за пятьдесят вёрст ходят лечиться, Ниной Ивановной кличут. Дед её лесом и выведет к нам. Не переживай! В лес они не сунутся, просто побоятся! Местные в наших лесах блуждают, а уж чужакам туда ходу нет.

Одновременно с его последними сказанными словами я услышал, как у нашего дома остановилось какая-то машина, послышались те же чужие голоса.

– Дядька Иван! Смотри, чужаки! – и я показал на щель, в которую можно было рассмотреть, что делалось во дворе нашего дома.

– Спрячься, Лёнька! Слышал, что дед наказал! Спрячься от греха подальше! Не высовывайся! Тише, малец!! Тише!

Я спрятался за баулы, а дядька Иван приник к той же щели, просматривая двор.

«Чужаки» вошли в дом. Слышно было, как протопали сапоги по нашему крыльцу, затем хлопнула входная дверь.

Вытолкнули на порог бабушку Агашу и мою бабушку, затем маму. Бабушка Агаша крепко прижимала к себе внучку.

– Не троньте, дитя! Больное оно! Температурит! Слышите, не троньте! – кричали моя бабушка и бабушка Агаша с мамой.

Катюшке закрывали голову одеялом.

«Чужак» сорвал одеяло, грубо оттолкнул бабушку Агашу и мою маму. Мама споткнулась о ступеньки и упала. «Чужаков» было двое.

– Ещё раз прошу, не троньте дитя! Люди вы или кто? Болеет ребёнок! – просила бабушка Агаша, закрывая собой Катюшку.

«Чужак» вдруг выхватил из рук ребёнка, и, держа её за волосы, перебросил через перила нашего крыльца. Катюшка сильно заплакала.

– Да что же ты делаешь, ирод? Дитё ведь неразумное! Что оно тебе сделало? – кричала моя мама, поднимая девочку.

«Чужак» теперь у мамы выхватил Катюшку и так же бросил её на землю. Девочка зашлась криком...

Он улыбался и эта процедура, видимо, доставляла ему огромное удовольствие.

Все женщины плакали, кричали, истошно орала Катюшка. Немец всё продолжал и продолжал подкидывать Катюшку за волосы, и так же бросал её о землю.

– Сволочи! Как же так можно? – сказал дядька Иван, и двинулся к двери сарая.

Я было за ним, но он с силой отбросил меня.

– Сидеть я сказал!

Он распахнул дверь и выстрелил сначала в одного немца, потом в другого. Они повалились, как снопы, и понятно было одно: дядька Иван убил их. Потом помог подняться бабушке Акулине и бабушке Агаше, маму поднял, она закрывала собой Катюшку.

– Господи, что они с ней сделали!? Акулина, Катюшка совсем не дышит! – испуганно проговорила бабушка Агаша.

– Заворачивай, девочку, Агаша! – Уходим в лес. Ждать здесь больше нечего. Они сейчас этих хватятся, а потом нас всех перестреляют, – сказал им на ходу дядька Иван. – Я за Лёнкой!

Я выбежал ему навстречу.

– Лёня, возьми баул с продуктами! Не забудь вещи тёплые! Уходим в лес. На крыльцо не смотри!!! – предупредил меня дядька Иван.

Теперь уже зная, кто такие «чужаки», стараясь не смотреть в сторону убитых немцев, мы пробрались огородами до леса, благо дом находился почти у его кромки.

Катюшка была без сознания. Иван поторапливал нас.

– Зря только деда отправили! – переживая, сказала моя мама.

– Он найдёт, нас, не волнуйтесь! – Сейчас бы с девчонкой ничего не случилось? Агаша, как она?

– Так же Иван... Без изменений... – ответила Ивану бабушка Агаша.

Пройдя по лесу, не зная, несколько вёрст, мы остановились отдохнуть. Уже темнело, когда все услышали крик бабушки Агаши:

– Девонька моя! Как же теперь я без тебя! Что же они с тобой сотворили, ироды?

Бабушка Агаша медленно спустила девочку с рук, затем стала неистово целовать её щеки, нос, маленькие ручки...

– Вот и всё... – тихо сказала моя мама.

– Не уберегли! Такая кроха! Господи, жалко то как!!!

... У нас не было лопаты и с дядькой Иваном содрали палками травяной дёрн, затем руками выкопали небольшую яму.

Все стояли и плакали, и дядька Иван тоже... От земляного холмика долго не могли оторвать бабушку Агашу. Она лежала на нём, не в силах подняться, обнимая насыпанный бугорок руками.

А я ещё долго вспоминал тех двоих: перед глазами всплывала картина, как издевались они над маленькой Катюшкой. Издевались и улыбались...

Первый день настоящей войны

За год до войны у нас умер отец. Нам, малышам, сказали, что у него не выдержало сердце. А как оно не могло выдержать? Этого мы понять никак не могли. Он был такой большой, красивый, высокий, а значит, и сердце должно было быть такое большое... Теперь за отца был наш дед Пахом. Он научил нас всему, что умел сам. Однажды мама пришла вся заплаканная:

– Война! – сказала она только одно это слово, опустившись без сил на деревянную лавку.

– Ну и что, что война! Мы в неё часто с мальчишками играем, – удивленно взглянув на неё, сказал я.

– Помолчи, сынок! Это настоящая война – не игрушечная! – и наш дед заходил по комнате от печки к углу, и назад, взволнованно ругая какого-то Гитлера.

... Страшно стало с первого дня войны. Я запомнил на всю жизнь этот первый день настоящей войны. Все куда-то бежали, сёстры мои, плакали, мама кричала на нас, но мы не обижались. Она накрывала Иришке голову своей сумочкой, когда бомбили. Самолёты летели так низко, я думал они к нам в сад на яблони

сядут, словно большие птицы. Потом я увидел фашиста. Сначала я думал, что фашисты – это машины, самолёты, а увидел солдата в каске и на мотоцикле.

– Сашко, собери всех в дом, – сказал мне дед. – Будем в погребке прятаться от этих нехристей.

Исполняя дедово приказание, вдруг увидел, как этот «нехристь» бьёт бабу Феню в соседнем дворе. Она кричала и плакала, а он бил её сапогом в живот. Сёстры мои обнаружили в малиннике. Они сидели, закрыв голову руками, так их учила мама, когда мы прятались от бомбежек.

– Вот дуручки, зачем закрываете голову? Не бомбят ведь!

– А мы Шашко боимся, – ответила мне Иришка. Она так смешно не выговаривала букву «с», поэтому и имя моё произносила не Сашко, а «Шашко». Иришка была самая младшая из нас четверых, словно хвостик, цеплялась за всеми, ябедничала, капризничала, зная, что её любят больше нас и жалеют тоже больше нас. Ей всего было только три.

– Чего так долго? – спросил меня дед.

– Ничего не долго, – ответил я ему. Пока этих «куриц» нашёл! Опять ни за что из-за вас мне попало. Девчонки! И почему им всё разрешаете, а меня только ругаете и ругаете? – бросил я зло, смотря в сторону своих сестёр.

– Глаша, надо расчистить в погребке место. Будем прятаться, лишние банки с погребка повытаскивай, – обратился дед к маме.

– Я думаю, они пришли надолго. Минск, рассказывают беженцы, горит, весь в огне.

Вдруг мы все услышали автоматную очередь и звон разбитого стекла. Стреляли по окнам соседней хаты.

– Вот мерзавцы, что вытворяют? – испуганно сказал дед. – Глаша, уводи скорее детей. Прячьтесь, а я здесь останусь. Уходите! Детям скажи, чтобы тихо сидели в подполе. Кто знает, что у этих извергов на уме.

Я, и мама, собрав кое-какие вещи, спустились в погреб вместе с моими сёстрами.

– Теперь сидите тихо! – предупредила нас мама.

– Это чтобы они нас не нашли? – спросил я её.

– Ты бы хоть не задавал глупых вопросов. Большой уже, понимать должен! – качая головой, устыдила меня мама.

Через некоторое время мы услышали чужую речь в нашем доме.

– Они нас убьют, да? – опять я задал вопрос.

– Тише, сынок, помолчите все, тихо, дети!

Дед Пахом кому-то говорил:

– Нет в доме никого. Я только один, а невестка моя ушла в город со всеми бабами. Испугалась она.

– Врёшь, куда могла уйти это учительша, у неё детей четверо, – услышали мы знакомый голос нашего соседа.

– Да нет их, Петро! Ты ведь видел, как все уехали и Глаша с ребятами тоже! – настаивал на своём дед Пахом.

– Смотри, старик! Худо будет, если мы их найдём. Если появятся, придёшь и сообщишь в комендатуру новым властям, понятно? – послышался топот сапог, и хлопнула входная дверь.

– Геру офицеру поставишь сюда кровать и немедленно! – приказал Петро.

– Прямо сюда? – удивлённо спросил его дед.

– Приказы не обсуждать! Сказано тебе и всё! Не забудь приготовить чистую постель. К вечеру приду, проверю! Ты понял меня, старик?

– Хорошо! – ответил ему наш дед.

Как только они ушли, дед, приподняв крышку погреба, нам сказал:

– Уходить надо, Глаша! Ишут они тебя. Здесь квартировать будет офицер. Да и дети всё время тихо сидеть не смогут. Девчонки маленькие, плакать начнут. От греха подальше, к вечеру уходите в город к Николаю. Я пока начну собирать вам кое-какую одежонку.

– Слышал, сынок! Не можем мы здесь оставаться! Опасно! Коли дед так забеспокоился, значит, не зря...

– Мама я видел, как они били бабу Феню... Они и деда Пахома могут убить? Как мы его оставим? Кто ему воды наносит, кто дров порубает? Я его не оставлю! Вы с девчонками уходите, а мы с дедом останемся тут вас ждать. Вот, увидишь, скоро этих немцев прогонят! – в моих словах была такая уверенность, что мама улыбнулась.

Она обняла меня и я помог ей и девчонкам выбраться из погреба. Но уйти к деду Николаю мы не успели!

Во дворе рвался с цепи наш уличный сторож – пёс Рэмка, а это значило, что во двор входили чужие. Эти чужие с автоматами наперевес, прошли в наш сарай и стали стрелять в кур и уток.

... Дед наш выскочил из хаты, а мне приказал не высовываться!

– Что ж вы делаете? Зачем вам столько? Не пущу! – кричал он.

Его грубо оттолкнули всё те же люди в серой форме, припугнув автоматом. Они погрузили наших кур и уток, покидали поросят в кузов машины. Стали выводить корову. Зорька упиралась, но её больно стегали по бокам, тащили за рога, наконец, сломав ей один рог, добились желаемого.

Корова мычала, и от этого мычанья стали во весь голос плакать девчонки.

– Корову оставьте, корову не отдам! Кормилица ты наша! Внукам как без молока? Не отдам корову! Слышите, не отдам!! – слышали мы крики деда со двора, от этих криков кулаки мои сжались до боли. И мне так хотелось ему помочь... Но как? Мама крепко держала меня за руку, так крепко, что, казалось, сейчас оторвёт мне руку.

Потом вдруг услышали какой-то хлопок, затем кто-то споткнулся о поленицы дров и рассыпал их.

– Мамочка! Они будут тоже его бить, как бабу Феню! Отпусти меня! Отпусти! Может быть, он упал и не может подняться? Ведь кто-то же рассыпал во дворе дрова? – я умоляюще просил маму, но она всё так же крепко держала меня за руку.

– Нельзя, сынок! Не ходи! Дождёмся, пока они уйдут... Потом вместе с тобой пойдём и посмотрим. Девочки, перестаньте плакать! Тише! Тише, мои родные!

Во дворе протрещала автоматная очередь. Завыл и заскулил наш пёс так жалобно и неистово, что мама выпустила мою руку и прикрыла ладонями своё лицо. Я видел в окошко, как погрузили нашу корову в эту же машину и она, тронулась.

Когда стихли голоса, мы с мамой выбежали во двор, оставляя за плотно прикрытой дверью девчонок.

... Дед Пахом лежал на поленицах дров. Он был тяжело ранен в живот. В курятнике не осталось никакой живности, он был пуст.

– Сашко, – как сквозь сон, услышал я голос мамы. – С кровати принеси простынь! Бегом, бегом! Да на деда не смотри, не смотри, милый!

Я не помню, как очутился снова возле матери, но зачем-то прихватил с собой простынь и две подушки.

– Сашко! – дед, увидев меня, обрадовано вскинул брови. – Ты...

Больше он ничего не успел сказать. Внутри у него что-то забулькало, захрипело, у губ появилась кровь, а глаза стали смотреть не на меня, а куда-то в одну точку.

– Папка, родненький! Не умирай! Не умирай! – закричала мама. – Прошу тебя, не умирай!!!

Она трясла его за плечи, отчего поленицы дров скатились деду на грудь.

– Что ты делаешь, мама? Ему же больно! – попытался я остановить маму и оттащить её руки от деда, но они так крепко держали его за плечи, что сделать было невозможно.

Она зашлась криком, от которого мне сделалось страшно. И я тоже заплакал.

– Мама! Мама! Тихо, не плачь, не надо! Девчонок напугаешь, – всхлипывал я.

Мама, откричав, зачем-то начала перевязывать уже мёртвого деда Пахома, а я побежал к скулящему Рэму.

Пёс лежал и ждал помощи. Ему прострелили ноги. Он скулил, а потом начал громко взвизгивать, когда увидел, что я к нему приближаюсь.

Обняв его, и прижав голову моего верного друга к себе, я не смог больше сдерживаться и разрыдался по-настоящему. Вернее и преданнее Рэма у меня не было друга. Собака, скуля и ища защиты, уткнулась мне своей мордой в ладони, тяжело и прерывисто дыша.

Мама, шатаясь, подошла ко мне.

– Что с ним, Сашко? Что с тобой, Рэмка? – обратилась она к псу.

– Мама, у него прострелены лапы! Давай забинтуем и перенесём в хату, – попросил я её.

– Нужно позвать дядю Трофима. Он у нас до войны, помнишь, козу вылечил? – смотря куда-то вверх нас, ответила мама.

Мы перебинтовали собаке лапы, как сумели и понесли в хату, но пёс оказался такой тяжёлый, что пришлось нам несколько раз отдыхать.

Собака немного затихла, уже не визжала, а стонала, глядя на нас своими умными коричневыми глазами.

– Терпи! Терпи! Не умирай! Не умирай, как дед Пахом! – уговаривал я собаку.

Мама опять заплакала и закричала:

– Изверги! Звери! Кто только вас породил? – запричитала она. – Будьте вы все прокляты!

... К ночи многие из нашего села хоронили своих близких, тех, кто посмел оказать сопротивление «новым властям».

Дядя Трофим дал какое-то лекарство Рэму, тихо сказав при этом матери:

– Так будет лучше.

Собака сдохла. И мы похоронили Рэма в нашем яблоневом саду, где уже был один бугор – под ним лежал наш дед Пахом...

Я не плакал: жалел маму, а она жалела меня. Стояла в чёрном платке, закрыв ладонями лицо, прислонившись к яблоне, по стволу которой сочился сок, светлый, как слёзы.

***

Истерика

Я любила нашу улицу. В ней всё было красиво: и столетние акации, мимо которых при цветении невозможно было пройти, и беленькие, аккуратные домики с горшками ярких цветов на подоконниках.

Идя каждый день в школу, я просто любовалась своей улицей и, казалось, не было для меня красивее и чище её.

Утром меня всегда отправляли за свежими булочками: так было принято – покупать их к чаю. И моя подруга Люба любезно согласилась составить мне компанию. Вдвоём нам никогда не было скучно. В школе, с первого класса мы сидели за одной партой. Люба могла рассмешить кого угодно, показывая фокусы, которым научил её старший брат.

А у меня не было ни братьев, ни сестёр, а так хотелось иметь такого брата.

У поворота нас, догнал Мишка Елизаров и на бегу крикнул: «Вы что, не знаете? Война началась!»

– Какая война? – спросили мы его хором.

– Какая, какая? Настоящая! Бегите домой! Хлебный магазин не работает: я там уже был... – остановился на миг Мишка, потом махнул рукой, помчался дальше по улице.

Нам ничего не оставалось, как возвратиться домой... Дома все только и говорили: «Война! Война!»

Стали прибегать наши соседи и твердили то же самое. За окном буйно цвели кусты сирени. Наш сад просто утопал в этих пенящихся белых и сиреневых гроздьях.

– Цветы и война! Разве может быть такое? – подумала я.

А на следующий день самому старшему из Любиных братьев принесли повестку в военкомат. Уходили на войну все наши соседи, дошла очередь и до нашего отца.

Он получил в бухгалтерии расчёт, принёс их маме.

– Это вам на первое время. Здесь немного, но ты, Арина, тyani! Будет тебе, будет! – отец прижал к себе всхлипывающую маму. – Не надо в дорогу слёзы лить. Зачем по живому плакать? Я не один уйду. И ты не одна остаешься с таким горем. Если что прибить, отремонтировать – обращай к деду Егору: он всегда поможет. С ним я договорился... – прощался отец.

Мама вытерла слёзы, значит и мне нельзя было плакать: зачем расстраивать отца?

Отец поцеловал меня: «Трудно вам будет, девоньки! Ох, как трудно! Ждите писем. Да и сами писать, не забывайте отвечать».

В дверях он снова обнял маму и сказал ей тихо-тихо:

– Прощай, любимая! Будет тяжело пробирайтесь к моей сестре на Урал.

– Ольга, матери помогай! Да прошу, тебя за старенькой бабушкой Авдотьей присматривай! Сынам её тоже повестки пришли – всем троим... Чаше к ней заходите! Соседи ведь! – попросил меня и маму отец.

– Обязательно буду заходить. За всё, что сейчас сказал, не волнуйся... Ты только возвращайся... Мы тебя будем ждать...

– Хорошо! – ответил отец.

Он ушёл, не разрешив себя провожать, мы с мамой долго-долго стояли, глядя ему вслед, смахивая слёзы.

... Минск и Витебск стали бомбить. Казалось, что эти страшные бомбы падали ежечасно, ежесекундно. Земля вздрагивала от разрывов и днём и ночью.

Мы обосновались с мамой в нашем каменном погребе. Туда же спустили с соседкой и бабушку Авдотью. На принесённый из дома матрац уложили её. Она часто стонала, не от боли, нет! Ей так же, как и нам, было страшно.

Однажды, когда в очередной раз мама открыла люк погреба, она спустила к нам с Любой маленького мальчика. На вид ему было года три-четыре. Он был напуган и плакал, не переставая.

– Видимо, это шок! У нас даже валерьянки нет... Как же его успокоить?

– Попробуй, дочка, лаской! Действительно, он напуган.

Мальчик успокоился, но сколько мы с Любой не пытались с ним разговаривать, он упорно молчал... Иногда издавал такой звук, который был похож на мычание. К нам он привык, но от взрывов вздрагивал, писался и иногда терял сознание. Тогда мама и бабушка Авдотья сильнее прижимали его к себе.

– Кто же его родители? Нашла я его возле разбитого дома. Наверно, слишком он мал, чтобы говорить. Как же тебя звать, величать, малыш? – спросила мама, глядя на него.

– Мама, а если называть все мальчишечьи имена? На какое-нибудь он должен откликнуться в конце концов! – высказала я своё предположение.

Все сразу со мной согласились. Идея показалась хорошей.

Сначала мы с Любой вспомнили имена всех наших одноклассников. Но малыш молчал, и совсем не понимал, чего мы все от него хотим: на каждое из предложенных ему имён он поворачивался и смотрел на нас большими печальными глазами.

– Какой-то он бестолковый, мама! – заключила я после очередной попытки.

– Не бестолковый, а очень маленький! – ответила мне мама. – Ты вспомни себя.

Моя подруга Люба предложила, протягивая ему какой-либо предмет, обращаться к нему по имени.

– На, Серёжа, возьми! – так мы озвучили ещё с десятков имён. Вдруг, на имени Фёдор, мальчик вздрогнул и, протягивая руки, к моей маме заплакал.

А мы от радости захлопали с Любой в ладоши.

– Фёдор! Фёдор! Фёдор! – возбужденно кричали мы, улыбаясь.

Мальчик тоже впервые за десять дней знакомства с нами улыбнулся, а потом рассмеялся.

Так мы выяснили, как зовут нашего найдёныша, который стал мне, как брат.

Мама не разрешала нам с Любой покидать погреб но видя, как затекают наши ноги, однажды позволила нам выбраться и походить по нашем саду, только очень осторожно.

– Аккуратнее, девочки! Беду увидите – сразу прячьтесь. Немного походите и возвращайтесь.

– Хорошо! – согласились мы с ней.

То, что мы увидели, навсегда останется в нашей памяти. Мама, оказывается, обманывала, говоря, что наверху всё хорошо...

Горели отдельные дома, дым, чёрный дым, застилал глаза. Его было столько, что дышать становилось всё труднее и труднее. Мы одновременно закашлялись с Любой. А от нашего сада ничего не осталось: торчали одни обгорелые пеньки. Не сохранились и те яблоньки, которые посадил перед самой войной отец.

... Ещё несколько дней назад всё было зелено, благоухали цветы, а сейчас – всё выжжено. До самого песка, до желтой глины, чернозема мы не увидели. Сгорел напрочь дом бабушки Авдотьи. На его месте осталась только белая печь. И если бы мы не забрали в наш погреб бабушку Авдотью, то и она бы сгорела тоже. Большая часть стариков, как потом нам рассказывала мама, осталась в своих домах вместе с малышами, все думали, что их не тронут...

Огонь никого не пощадил. Немного поодаль от дома бабушки Авдотьи, мы увидели обгоревшего человека. Стало очень страшно... Дальше плохо помним, что было...

Очнулись у своего погребка. Спустились и почти два дня ни с кем не разговаривали.

Немцев мы не видели, но чувствовали их постоянно. Их кованые сапоги не раз грохотали по крышке погребка, тогда Фёдору мама зажимала рот, боясь, что он заплачет, и, наверняка, выдаст нас. Сначала Фёдор сопротивлялся, а потом привык...

Мама ушла ещё утром, когда мы спали. И вернулась только к вечеру, сообщив нам: «Надо выбираться. Здесь мы просто задохнёмся. Я нашла совершенно пустой дом через улицу».

Послышалось опять громыхание сапог...

Вдруг люк погребка открылся, и туда заглянул немецкий солдат в каске и с автоматом на шее.

Мама совсем не растерялась и, схватив его за автомат, затащила в погреб. Он пока падал что-то орал, но мы с Любкой ничего не поняли. Испуганно закричала бабушка Авдотья, заплакал Фёдор...

А мы, не сговариваясь с Любкой, вытащив припасённые кирпичи, стали бить его ими в лицо. Били и не могли остановиться: не слыша никого и ничего. Мама с бабушкой Авдотьей еле-еле оттащили нас от него. Кровь была повсюду... На полу лежал мёртвый немец.

Меня и Любку потом била истерика: Любка хохотала, а я плакала... Только вот слёз у меня, почему-то не было. Руки потом долго тряслись, тошнило и выворачивало наружу...

***

Не спасли...

Когда я увидел танки, то сначала стал их считать, но так как я умел считать только до десяти, а их было во много раз больше, просто спрятались в лесу.

Долго боялся выйти из леса, кругом стреляли. Меня послал за земляникой в лес мой дед. Ушел я еще рано утром, когда густой туман окутывал меня словно молоком. Лучше других в нашей деревне я знал ягодные места и, конечно очень гордился этим, пацаны завидовали, а мне было не жалко рассказывать всем, где растет душистая и спелая ягода. В кустах калины я услышал, как кто-то застонал. Сначала думал, мне показалось, но стон повторился еще и еще.

– А вдруг там кто угодил в капкан? – предположил я.

Посидев немного и придумав, как обойти этот куст калины незаметно, решился осуществить свой дерзкий план. Рядом с этим кустом росла береза, если по ней взобраться наверх, то можно было увидеть того, кто там стонет. Так я и сделал. Под калиной лежал наш солдат. Нога у него была перебинтована, а поодаль валялся бинт в крови и разрезанный сапог.

– Товарищ командир! – окрикнул я его. – А, товарищ командир! Вы живы? – Но он мне не ответил.

– Надо спуститься, и обязательно помочь! – подумал я.

Спустившись с березы, я подполз к нему. Обнаружив, что у него не только была прострелена нога, но и плечо. Быстро сняв рубашку, попытался остановить кровь.

Солдат опять глухо застонал и очнулся.

– Кто ты? В деревне немцы или свои? – спросил он меня.

– Я, товарищ командир, из деревни Желтой, что на реке Березине. Не знаю, есть ли у нас немцы или нет? Но танки их точно видел, наверно часов в семь.

– Почему в семь?

– Так зяблики свистели, они всегда позже всех лесных птиц просыпаются, – попытался я объяснить, но солдат опять потерял сознание.

Дождавшись, когда он придет в себя, и, перевязав крепче его плечо, сказал ему: «В деревню я, за подмогой. Мы тебя с дедом спрячем, а у бабушки попрошу марли и чего-нибудь поесть и попить. Голодный, наверно?»

– А если все же в деревне немцы?

– Не волнуйся! Я мигом прибегу. В этом лесу - я король. Все тропки знаю. Что-нибудь с дедом придумаем. А ты лежи тихо и постарайся не стонать. Утро, а по утру знаешь, как далеко слышны разные звуки и стоны тоже, – предупредил я солдата.

– Хорошо, постараюсь не выдать себя, беги. Времени со мной не теряй.

Забросал его ветками березы, отойдя и посмотрев, я остался доволен маскировкой. И пулей побежал в деревню, стараясь не попасться никому на глаза. Перемахнув через плетень и очутившись, наконец, в своем дворе я пробрался на веранду.

– Внучек, мы думали уж что с тобой случилось, – встретили меня с порога дед и бабушка.

– Случилось не со мной. В доме никого нет? – не слушая деда, перебил я.

– Нет! А что случилось? – встревожился дед. – Пойдем, расскажешь.

– Дед я нашел нашего солдата, он раненый в лесу. Перебита нога и плечо, помощь нужна и немедленно. В деревне немцев нет?

Дед перешел на шепот: «Да, заходили уже. Они в центре села, в бывшем сельсовете».

– Плохо! – Я обещал солдату, что мы с тобой за ним непременно придем. Ждет он, дед!

Дед зашагал по веранде, зачем-то закрыл дверь на крючок и после этого опять шепотом заговорил со мной.

– Далеко ты его оставил? Спрятать надо, но как? Ведь только двенадцать на часах, до вечера еще страх, как далеко!

– Я забросал его ветками. Он все время теряет сознание и стонет.

– Сделаем так: ты вернешься к нему. Скажешь, что заберем только вечером. Немцы у нас. Отнесешь ему поесть и воды. Ранен тяжело?

– Ранен тяжело. Если легко, сознание не терял бы, – взглянув на деда, сказал я.

– Согласен! Марфа собери еду и питье! Да побыстрее! – крикнул дед бабушке.

Бабушка не спрашивая: «Зачем?» – сразу стала собирать еду, завязывая ее в белую материю.

– Марлю отрежь. Скатай бинтом. Тоже в продукты положи, воду не забудь! – командовал дед.

И я опять отправился в лес, пройдя незамеченным, вдоль огородов. До заветной тропинки добрался быстро.

Шёл, озираясь, в лесу были слышны голоса. Я спрятался в старое дупло: его нашёл мой дед, оно было почти в рост человека. На поляну вышли немецкие солдаты с автоматами.

Они шли и возбужденно что-то говорили. Притаившись в дупле, заметил, как двое выволокли раненого. Я еле сдержал

крик. Они тащили моего солдата, и непонятно было: жив он был или уже мертв.

Как мне хотелось их всех перестрелять из дедушкиной двустволки. Сильнее вжавшись в дупло и до боли сжав кулаки, понимая, что никак и ничем не смогу помочь солдату, я дождался, пока немцы пройдут, направляясь к нашей деревне, потом вылез из дупла и тоже вернулся домой.

Дед встретил меня у калитки:

– Знаю, поздно, внучек, видели.

– Поздно..., – сказал я, отрешенно смотря куда-то мимо деда.

– Не спасли...

Солдата этого повесили, нам в устрашение, рядом со зданием с новой для нас теперь вывеской «Комендатура».

***

Игорь

Война застала меня в санатории. У меня было больное сердце, и каждый год, как только приходили долгожданные каникулы, меня доктора отправляли в санаторий.

Утром я и мой друг Игорь всегда убегали в лес: послушать пение птиц, посмотреть, как просыпается лес, понаблюдать за норой лисицы и увидеть выводок.

Но сегодня мы услышали гул самолетов и начали играть «в войну», не подозревая, что где-то уже идёт настоящая война.

Нас спешно отправляли в Ростов. На город уже падали и падали бомбы. Взрослые рыли щели, строили баррикады, готовясь к уличным боям.

Меня и Игоря поставили сторожить длинные ящики, в которых были сложены бутылки с зажигательной смесью, подвозили песок и воду на случай больших пожаров. Город трудился молча, молчали и мы, методично, выполняя то, что нам поручат.

Наши мамы работали в госпитале для легкораненых. Во всех наших школах размещались госпитали.

Игорь был болен намного серьезнее, чем я, часто отдыхал, и тогда выступала бледность на его лице, синели губы. Лекарства у него закончились, а в аптеке теперь было трудно купить, то, что было нужно.

Этим утром он был совсем бледный.

– Игорь! Ты так не вздрагивай и не пугайся, когда падают бомбы. Старайся быть поспокойнее, – уговаривал я его. – На нас они точно не упадут, ведь, посмотри, мы с тобой слишком малы и увидеть нас с такой высоты просто невозможно, – продолжал рассуждать я.

В квартале от нас опять сильно рвануло.

И Игорь опять потерял сознание. Я долго тормозил его, звал кого-то на помощь, пока на мое плечо не опустилась чья-то крепкая рука: «Чего кричишь, дитёнок?» – встревожено смотрел на меня дяденька в милицейской форме.

– Плохо ему. Все время сознание теряет, а я ничего сделать не могу. У него лекарства кончились... – и я показал на Игоря.

Милиционер, не раздумывая долго, схватил Игоря и побежал через дорогу к госпиталю. Я, конечно, за ним.

– Дяденька, куда вы? Там же солдаты лежат, туда детей не пускают и не берут, – кричал я ему на ходу.

– Теперь все солдаты, дитенок! – ответил мне милиционер.

Над Игорем долго колдовали врачи. Я пытался несколько раз заглянуть внутрь белой комнаты, но меня чуть ли не за шкирку оттуда выпихивали.

– После мальчик увидишься с братом, а сейчас не мешай, – успокаивала меня старенькая нянечка.

– Он и не брат мне вовсе! Но я должен его увидеть, пустите! Шуметь не буду. Просто Игорь мой друг и мне необходимо быть с ним рядом. Пустите, прошу, вас! – умолял я нянечку.

И она вдруг пошла мне на уступки. Приоткрыла дверь и тихонько пропустила меня туда.

На столе лежал Игорь, подавали кислород, на лице его была, одета какая-то штука и он дышал в неё. Я вспомнил что когда было, тоже плохо, мне давали дышать этой же штукой и через кислородную подушку.

Игорю делали уколы, потом поставили капельницу, потом её почему-то отключили и доктор, видимо, самый главный из всех докторов сказал: «Увозите...». Игоря накрыли белой простыней и повезли мимо меня.

– Стойте! – не выдержал я. – Ему надо лекарство, его нельзя сейчас на улицу выпускать. Он теряет сознание и делается бледным-бледным. Он болеет давно! – выкрикнул я.

И тот, который был самым главным доктором, опустился передо мной на корточки: «Понимаешь, мальчик! Теперь у него

уже ничего не болит. И ему уже не нужно лекарство. Мы не сумели запустить его сердце».

– И, – не выдержал я. – Вы хотите сказать, что Игорь умер?
– спросил я доктора, отступая в глубину комнаты.

Доктор опять подошел ко мне.

– Это твой брат? – тихо спросил он меня.

– Нет, но так не должно быть! Вы понимаете, не должно!
Он ещё вчера улыбался, Он, он..., – кричал я.

– Так бывает! – опять тихо ответил мне доктор.

– Он не солдат и не старенький дедушка, чтобы умереть.
Умирают только старики, или я не прав? – продолжал кричать я.

– Не всегда старички! – объяснила мне женщина в белом халате. Ты знаешь его родителей? – взглянула она на меня.

– Отец воюет, а мама работает в госпитале – это через четыре улицы, – прошептал я.

– Вероника Львовна, возьмите адрес и сходите к его матери, – услышал я опять голос самого главного доктора.

– Может, он потерял сознание?! – Так у него бывало...Полежит, а потом приходит в себя, да поверьте, так было, – умоляюще взглянув на доктора, сказал я.

– К сожалению, мы бессильны были его спасти. Мне очень жаль, – и он прошёл в коридор, а за ним все люди в белых халатах.

Я долго плакал, уткнувшись нянечке в колени. Мне казалось, что эти белые стены и белые халаты должны были его ещё оживить.

– Поплачь, поплачь сынок..., – сказала мне нянечка. Глядишь, может и легче тебе станет. Матери-то, какое горе! Какое горе пережить своего ребёнка!

В то утро я понял, что на войне умирают не только от пуль и снарядов, но и от разрыва сердца, просто от разрыва сердца. Маленькое сердце не выдержало огромной, большой войны.

***

Мой друг Лёня Савочкин

У меня с довоенных лет сохранилась одна фотография. Её я берег и никогда никому не давал к ней прикоснуться. На этой фотографии была вся наша семья: довоенная семья- папа, мама и дедушка с бабушкой....

Весь уклад семьи нарушился, когда вслед за отцом, ушла воевать и мама. Она работала на телеграфе, и ей даже не надо было переучиваться на военные специальности. Из письма мы узнали, что мама теперь – радист.

Всё время хочется есть. С другом Леней Савочкиным ходим в рожь, она растёт прямо за домами. Лёнька первый увидел легковой автомобиль. Решили удирать, кто куда. Меня у калитки выдернул немецкий офицер в зелёной форме.

– Пусти, гад! – пытался вырваться я. Но он крепко держал меня за рубашку. На мои крики выбежал из дома дед и бабушка.

– Пусти его. Внук – это наш, Богом прошу, отпусти!

Но немец с улыбкой снимает ремень. Валит меня на лавку и стегает так, что потом бегут красные круги у меня перед глазами.

Дед пытается меня защитить, но офицер сильно ударил его в живот. Больше я ничего не помню... После побоев я с трудом говорил и долго болел. Бабушка заваривала какие-то травы, делала примочки, но поправлялся я очень тяжело.

–Внучек, внучек! Ты уже давай поправляйся! Что я скажу твоим родителям, когда вернутся?– и бабушка сильно плакала подле меня.

В городе установили специальный режим. И все должны были отмечаться в комендатуре. К нам часто стали захаживать наши же городские жители, только звали их теперь полицаи. Они проверяли всё и всех. Никого не щадили.

Слышно было, как из соседнего дома они вывели и расстреляли всю семью. А в соседнем доме и жил мой друг Леня Савочкин. Леня спрятался в погребе и его не нашли, а потом поздно вечером я услышал у своего окна шаги и кто-то камешком попал в стекло.

– Санёк,– услышал я приглушенный голос. – Мне спрятаться надо. Сестру и брата забрали в комендатуру, остальных расстреляли, а я спрятался, меня не нашли.

– Залазь в форточку. Я пока встать не могу, болею, а бабушка тебя спрячет – это точно,– так же тихо ответил ему я.

Санёк залез в форточку.

– Ты, почему такой белый?– спросил я его удивленно.– Что стало с твоими волосами? Ты в штукатурке измазался или в муке?

– Если бы. Волосы стали такими после расстрела всех наших... Меня никто не узнаёт. К соседке пришел, а она прочь прогнала, говорит, что не знает меня. Ты бабушку свою подготовь, а то тоже испугается...

– Узнать можно, не волнуйся. Здесь поставим тебе раскладушку и всё будет нормально.

На улице слышалась чужая речь и выстрелы. Строчили из автомата, звенело разбитое стекло, залаяли собаки.

– Стреляют прямо по окнам. Удовольствие получают, гады. Лезь ко мне под одеяло. Не сиди у окна. Пуля она ведь не разбирает.

– Санёк, с кем ты разговариваешь?– в комнату со свечкой вошла моя бабушка.

– Лёничка, детка! Мы думали...,– и она замолчала.

– Вы думали, что нас расстреляли? Правильно думали! Из всех спасся только я один...

– Пойду поесть соберу и согрею тебе воды умыться, дитятко!– заботливо сказала бабушка. И тут она увидела седую голову Лёни.

– Господи! Сколько же ты пережил?!– вырвалось у неё.

– Саньке, знаешь, тоже несладко пришлось, третью неделю лежит не поднимается. Лечу сама, как могу...

– Бабушка, его ещё спрятать надо,– предупредил я.

– Этим займется наш дед. Он в сарае сеновал освободил. Корову то всё равно эти изуверы прирезали. Там и постель тебе Лёничка соорудим. Пойдем со мной, дитятко, пойдем!

– А ты, на-ка вот, помажь, мазь я сделала, раны быстрее затянутся,– я только киваю головой, зная, что с бабушкой спорить бесполезно.

– Такая беда, детки, что ни на земле, ни под землей не спасешься от этих нехристей,– вздыхая, сказала бабушка.

Лёничка поел варёной картошки, много сразу ему дед не дал, сказал, что понемногу надо, если он, Лёничка, себе навредить не хочет. Меня разбудил шум в доме. Кричал полицейский Гришка.

– Я вас всех расстреляю, это гер офицер, семья коммунистов, у них и сын и дочь воюют против вас.

Слышно было, как топают по комнате чьи-то кованые сапоги.

От страха я окаменел. Вдруг занавеску кто-то дернул так, что она оборвалась сразу.

– Тиф, тиф!– успела крикнуть моя бабушка.

Слова эти действовали магически. Немец отскочил и направился сразу к выходу, что-то крича и махая руками.

Примерно через полчаса в дом ворвались полицейские, в руках держа канистры с бензином.

– Не смейте, не смейте, – кричала бабушка.

Они грубо оттолкнули её и деда. Чувствовался запах бензина и запах страха перед огнем. Я ещё сильнее накрылся одеялом.

– Не тронь, мальчика, болен он! – пытался заслонить собой меня мой дед.

– Заразу здесь расплодили, сволочи! Приказано дома с тифозниками сжигать и точка. – Отойди, по-хорошему, дед! А то и тебя спалю с мальцом... Одной заразой меньше будет! Мне разницы нет! – смеялся полицаи, выплёскивая остатки бензина на моё одеяло. Полицаев было двое: один из них мародёрничал, собирая в мешок все, что попадалось на глаза из продуктов, а другой подготавливал дом, чтобы его сжечь.

– Ишь, окопались! Власть им новая не по нутру!! Кончилась ваша власть... Где они ваши солдатики? Что, смыло их? Так бежали!! Так бежали, что вас забыли с собой забрать! – злорадствуя, говорил Гришка.

– Замолчи, немецкий, ты холуй! Нет, и не было, у тебя ничего святого... И в кого ты такой выродок? Два брата воюют! Гнилая у тебя кровь! И душонка гнилая... Никчёмная! Трусливая душонка! – выкрикнул мой дед.

– Ты это зря сейчас сказал старик! Что ты топорщишься? Сейчас спалим вас, да и делу конец! Как и будет конец твоему воспитанию, старик!! Иван, закончил? – спросил Гришка у своего товарища.

И вдруг раздался выстрел. Затем другой. Стреляли у нас в доме из ружья моего деда.

Гришка рухнул на пол, из рук его выпала канистра с бензином...

Иван в другом углу, лежал, раскинув руки. Собранная картошка и лук покатались по всей нашей хате.

Посредине комнаты стоял Лёнька – это стрелял он. По щекам его катились слёзы. Он молча перезарядил ружьё ещё раз.

– Сынок! Молодец! Спасибо! – вырвались слова благодарности у моего деда.

И теперь, словно подчиняясь какой-то команде, сказал: «Спрячемся на заимке в лесу. Собирай парня. Дом сожжём с этим гнильём, как и было приказано...»

Сборы были недолгими. Уходя, дед подпалил дом. Как долго красные всполохи стояли у нас перед глазами.

Лёнька шёл впереди. Дед нёс меня на руках. Все шли молча, но думали об одном: «Как же нам теперь выжить в этом красно-красном зареве?»

***

Солдатики

Ещё вчера всё было как всегда. Дед сидел, лудил кастрюлю, мама пришла с ночного дежурства отдыхала, даже моя бабушка ходила тихо-тихо, а мы с братом всегда убегали к реке, чтобы своими играми не разбудить ее.

А сегодня маму и всех врачей отправили в глубокий тыл. Что такое госпиталь? Пока мне еще было непонятно. Знаю только, что мама туда направлялась начальником. Была она хирургом, когда у нас на улице кто-то болел, то всегда бежали за мамой, значит, все просто доверяли ей, а мы с братом этим гордились. Мама никогда никому не отказывала.

На плите всегда кипела кастрюлька со шприцами: на случай нужды или надобности тому, кто прибежит к нам искать помощи. Отец наш утонул, когда Ване был год. Мне было три...

Из рассказов мамы и бабушки я знал, что это был очень добрый и хороший доктор – он лечил детей и работал с мамой в одной больнице. Ваня его совсем не помнил, а я, почему-то запомнил его теплые ладони. И как он меня подкидывал вверх, когда мы играли с ним в «летчиков».

– Серёжа! Найди Ваню! Из дома никуда не выходите. Мама, собирайтесь...

Поймите, надо ехать! Времени на уговоры у меня нет. Дали ровно два часа на сборы.

Мама выложила на стол продукты и новенькую форму.

– И куда мы, дочка? – взглянув на неё, тревожно спросил дед.

– Пока будем сопровождать воинский эшелон до Витебска и Лиды, а там как прикажут... – ответила мама и выбежала из дома.

Наконец в соседнем дворе я поймал брата. Он как всегда играл с кроликами, кормил их, целовал серые комочки, разговаривал с ними.

– Ваня, мы уезжаем! Мама просила тебя найти. Пойдём домой! – взяв брата за руку, и, не обращая внимания, что он начал мне сопротивляться, я всё - же затащил его домой.

Сборы шли полным ходом: бабушка собирала вещи, а дед перевязывал валенки бичёвкой.

– Это ещё зачем? – спросил его я. – Лето на дворе. Жара стоит несусветная! Мы что ли до зимы домой не вернёмся? – обратился я ко всем, но бабушка и дед были заняты и не торопились мне ответить.

– Вы не слышите? – я сейчас спросил вас: – Мы надолго? – и опять мой вопрос повис в воздухе.

Дед перевязал валенки и только тогда взглянул на нас с братом.

– Кто теперь что знает, Серёжа? Никто тебе не ответит на этот вопрос. Сказано мамой – собираться, вот и собираемся. Позже я отвечу тебе внучек на все твои вопросы, не обижайся. Принеси лучше из чулана мешок, да ссыпь туда картошки, сколько войдёт. Помогай, внучек, помогай! – ответил мне дед.

Ваня побежал к своему заветному ящику: в нём хранились игрушки, которые благополучно переходили от меня брату.

– Серёжа! – позвал он меня. – Можно я возьму с собой всех солдатиков? И не дожидаясь моего согласия, стал набивать ими карманы брюк.

– Куда же столько? – остановил я его. – Хватит двух. Возьми самых любимых, ладно? – стал уговаривать я брата.

И совсем непонятно мне было, как это он согласился, даже не спорил и не капризничал.

– Двух, так двух, – и Ваня миролюбиво посмотрел в мою сторону. – только я возьму тех, что для меня сделал дед! Твоих не хочу... – категорично заявил мне мой брат. – Хватит, и того что все твои рубашки донашиваю.

– Ладно, – улыбнулся я. – Как будто они дырявые, эти рубашки? Просто мне малые, а тебе как раз.

Послышался голос мамы:

– Через полчаса подадут эшелон. Значит, на станции надо быть к двенадцати. Успеет, мама?

– Должны успеть, дочка! Раз такой приказ вышел, – сокрушённо вздохнув, ответила маме бабушка.

– Мама, мамочка! – Иван, выбежав ей навстречу из комнаты, показал зажатых в кулачке солдатиков. – Я возьму с собой этих солдатиков? Мне Серёжа разрешил...

– Раз Серёжа разрешил тогда, конечно, бери! – улыбнулась мама.

– Он хотел больше, но я только двух разрешил.

– Мама, детей собрали?

– Ещё картошки набрал целый мешок, так мне дед велел. Правильно я сделал? – опять попытался я вклиниться в разговор взрослых.

– Ты всё правильно сделал! Молодец! Ты совсем большой, Серёжа, – похвалила меня мама.

– А я? – захныкал мой меньший брат.

– А ты ещё не дорос! – отпарировал я брату.

– Не ссорьтесь, мальчики! Не время сейчас для ссор. Я в больницу, а вы двигайтесь на вокзал. До отправления осталось минут двадцать.

Дед, бабушка и мама взяли чемоданы, а нам надели на плечи маленькие рюкзаки. Мы их всегда брали с собой, когда отправлялись в походы. Но сейчас они были тяжелее, чем тогда. Закрыли дом и направились к станции. По дороге шли с такими же чемоданами люди.

– Кирилл! – обратилась к моему дедушке соседка. – Говорят, что Нижнюю уже бомбили!? Ты не слышал?

– Если бы и слышал, то ничего бы не сказал... Зачем панику сеешь, Марья? Знаешь, как это называется: «Одна баба другой сказала... Нехорошо!» – пожурил соседку мой дед.

– Так я ведь, что? Как мне сказали, так я тебе и передаю! – обиделась соседка.

К маме подбежала какая то женщина и стала объяснять что-то насчёт шестого вагона: там нужна была мамина помощь.

– Сами справляйтесь, хорошо? Сердце прихватило – надо помочь. Серёжа, сынок, за братом присматривай!

– Иди! Не беспокойся! Справимся... Иди, ты там нужнее, – успокаивал маму дед. – Человеку плохо, беги, спасай!

– А нам разве хорошо? Я устал, – тихо проговорил мой брат.

– Мы с тобой Ваня не бодем, а остальное всё можно выдержать, – совсем по-взрослому ответил я ему. – Спусти рюкзак и отдохни.

– У тебя тоже такой же тяжёлый рюкзак? – спросил меня брат, ставя рюкзак на асфальт перрона.

– Ты как думаешь? Ещё тяжелее, чем у тебя! Попробуй, подними?

– Марья, прячь детей! Скорее! Скорее! Самолёты! Давайте в здание вокзала, – прокричал бабушке наш дед.

Они летели все ровно и низко. На крыльях чернели кресты. Что это было, не знаю? Но оно отделилось от самолёта и со свистом упало в середину нашего эшелона. Начался пожар. И все

куда-то сразу побежали. Бабушка держала нас с братом за руки, пытаюсь пробиться сквозь толпу людей в здание вокзала. Дед остался с чемоданами у перрона. Кричали мне, кажется все, и дети, и взрослые. Взрывы слышались один за другим.

– Серёжа, я за дедом. Помогу ему перетащить чемоданы, – быстро сказала мне бабушка. – А вы, мои дорогие, здесь нас и маму ждите!

– Ба, я боюсь!! – и Ваня вцепился в подол её платья.

– Ничего сынок, не бойся! С тобой Серёжа остаётся! А мне, видишь, к деду надо! – и она выбежала из здания вокзала.

Я видел, как бабушка споткнулась и упала. Оставив Ваню, поспешил ей на помощь. Она подвернула ногу, пыталась встать, но не смогла... К ней навстречу бежала уже наша мама и дед. Вместе мы еле-еле её подняли.

– Серёжа, а Ваня где? – настороженно спросила мама.

И в этот момент мы услышали страшный вой – это в здание вокзала попала бомба...

– Ваня! Сынок! Ваня!!!

Оставив нас, она стала пробираться сквозь клубы дыма. Воронка от бомбы была просто огромная.

– Только не это! Только не это! Дитячко наше!!! – прошептала бабушка, закрывая лицо руками.

Она увидела маму, которая несла Ваню. Он был мёртв...

... Ещё бомбили и бомбили... Ваня лежал у мамы на руках, а из карманов брюк вдруг выпали солдатики, его любимые солдатики.

***

Наташенька

Я и моя подруга Юля никогда не забудем эту девочку. Она попала к нам в госпиталь, в августе 44-го. Шли ожесточённые бои.

Среди многочисленных раненых, поступающих в наш госпиталь, при разгрузке, в кузове машины я увидела маленькую девочку. Сначала даже не поверила! Привыкла сортировать бойцов, а тут ребёнок...

Она забилась в самый дальний угол кузова машины, смотрела на меня испуганно, но не плакала.

– Иди ко мне, – позвала я девочку и протянула руки.

Но девочка отрицательно махнула головой.

– Иди, иди! Не бойся! – как можно ласковее позвала её я.

– Откуда в этом аду ребёнок?

И я опять протянула к ней руки.

– Как тебя звать, малышка? Ты чья? – спросила я у неё.

– Мамина, – услышала я в ответ, и девочка забилась в угол ещё дальше.

– Старшина, мы подобрали её по дороге, когда к вам пробирались. Еле-еле проскочили, так сильно бомбили... Когда выехали на шоссе, а она шагает прямо вдоль дороги, вот и подобрали, – ответил мне шофёр санитарной машины. – Как звать не знаю? Молчит, по дороге ни с кем не разговаривала. От сахара отказалась, потом мы ей сухарей дали, там они у неё в карманчике в пальто, – показал мне рукой на карман старый солдат.

Юля подошла ближе к нашей машине.

– Вера, ты чего копаешься? Твоих всех уже распределили по палатам. Зоя Васильевна тебя искала. У тебя три тяжёлых. Ты слышишь меня, Вера, или нет?

Я, не отвечая ей, указала вглубь машины.

– Смотри, какую помощницу нам с тобой доставили! Только вот в руки не даётся, сильно напугана.

Юля тотчас вскарабкалась в кузов машины и тоже попыталась взять девочку на руки, но та её больно укусила.

– Ой! Такого у нас ещё не было! – отдернула Юля руку. – Вот это номер!

– Девоньки, давайте, побыстрее! Там ждёт ещё партия раненых! Позор, с ребёнком справиться не можете! Мамы из вас никакие! Уговорите её, что ли? – сказал нам водитель.

И Юля решила снова попробовать взять девочку на руки. Взять-то взяла, но девочка стала так сильно вырываться, плакать, кричать, кусаться, что Юля была вынуждена оставить свою затею.

– Что будем делать, подруга? – спросила она меня.

– Не знаю! – ответила я ей.

– Девоньки, в вашем хозяйстве есть кошка или собачка? – водитель взглянул на нас вопросительно, понимая нашу беспомощность. – Может быть, мы её таким способом выманит. Давайте, попробуем!

– Юля, ты слышала, когда она вырывалась, то звала какую-то Наташу?

– Да, верно.

– Тебя, Наташей зовут? – наклонилась к девочке Юля.

Девочка опять отрицательно покачала головой.

– Девоньки! – услышали они за спиной голос всё того же водителя. – Я вам собачку несу.

На руках у него была наша любимица – Муська.

– Это наша Муська! Она тоже войной покалечена. Видите: одного уха нет. Солдаты рассказывали, что ей его пулей отсекло.

Юля взяла Муську на руки и прижалась к ней щекой. Собака не понимая, чего от неё хотят, жалобно заскулила. И девочка расплакалась ещё больше. Она плакала совсем как взрослая, даже причитала, но что Вера и Юля так разобрать и не смогли.

– Намаялась, страдалница! Тише! Тише... – стал успокаивать девочку водитель.

И она вдруг протянула свои ручонки к нему, обхватила за шею, прижалась.

Девочка засунула ручку в карман пальто и вытащила фотографию с изображением девочки и женщины.

– Наташа и Наташенька, – девочка ткнула сначала на фото, а затем на себя, продолжая всхлипывать.

– Это твоя мама? – спросил её шофёр.

Она ответила только одними ресницами, прикрыв их.

– А это – Наташенька? Вот она, и вот, – показал водитель сначала на фото, а затем коснулся рукой девочки.

– Да, ты меня знаешь?

– Знаю, знаю, моя, хорошая! – водитель повернулся к нам.

– Всё оказалось очень просто, девоньки! Её зовут Наташенька. Видимо в семье её так звали, а эта, выходит мамка ей, – указал водитель снова на фото. – Вот и молодец, умница, дочка! Разобрались... Девоньки, мне ехать надо. Возьмите её.

Девочка прижалась к водителю ещё сильнее, плакать перестала, но нам с Юлей она явно не доверяла. Вдруг она потянулась к собаке и отчётливо сказала: « Барсик!»

– Нет, это Муська, – попыталась опровергнуть её слова Юля, и девочка опять горько заплакала.

– Барсика, убили, я забыла, – сказала она, повернувшись к водителю.

– Хорошая моя, сколько же ты перенесла? – тяжело вздохнув, сказал водитель. – Нет ничего страшнее детского горя...

Наташенька спрятала фотографию. Собака, наша умница Муська, лизнула ее прямо в нос, потом ещё и ещё раз, отчего девочка засмеялась, взяла Муську на руки, и опустилась с ней на землю, потом вытащила из кармашка сухарик. Поделила его

пополам. Половинку взяла себе, а другую половинку протянула собаке. Муська, довольная, приняла угощение и в знак благодарности стала вилять хвостом.

– Вот и славно, – сказал шофёр. – Всё. Надо ехать. Задержался я у вас, девоньки.

Он сел в машину, хлопнув дверью. Но как только машина тронулась, девочка бросила Муську, и побежала за ней, плача и что-то крича вслед. Шофёр увидев её в зеркале, опять остановил машину. Наташенька быстро - быстро забралась к нему в кабину, и успокоилась только в его руках. Мы подумали, что она уснула, а оказывается – потеряла сознание. Перепугались тогда насмерть. С помощью нашатыря я и Юля привели её в чувство.

Шофёр уехал, а девочка с тех пор встречала и провожала все машины с ранеными. Говорить она почти не говорила, больше плакала, сидя на пенёчке у КПШ.

... Шофёра привезли к нам израненного, состояние его было тяжёлым. Как-то проходя мимо палаты, где он лежал, я увидела Наташеньку. Она держала его теперь единственную ладонь в своей маленькой ладошке. Дежурила возле кровати до позднего вечера, шептала какие-то ей и только ей понятные слова, целовала его в небритые щёки.

– Сестрица! – как-то спросили меня в коридоре солдаты. – Это её отец?

– Нет, – ответила я. – Но видимо теперь роднее для неё нет никого на этом свете!

Илью Михайловича, так звали шофёра, комиссовали и отправляли в тыл.

Уезжали они вдвоём: он и Наташенька. Она теперь везде сопровождала его, крепко держась за полу его шинели.

...Вот так нежданно-негаданно он стал отцом Наташеньке. В Уфе у него своих ребятишек было пятеро. Но разве мог он оставить теперь эту кроху?

Мы с Юлей проводили их до станции. Вытирали глаза от слёз и не стыдились их.

– Прощайся, – сказал девочке Илья Михайлович.

Но она категорически отказалась:

– Не хочу!

И ещё крепче прижалась к нему.

– Война, война, девоньки, – за неё ответил Илья Михайлович. – Всем поменяла характеры, всех изменила, даже такую пичужку. Скоро всё встанет на свои места. Время, нужно

время это забыть и пережить. Прощайте! В гости к нам приезжайте, будем рады...

Поезд тронулся. Мы с Юлей ещё долго стояли и махали уходящему составу вслед.

– В гости к нам приезжайте, будем рады! – кричал в открытое окно Илья Михайлович, обнимая Наташеньку.

***

Осталось только пепелище

Стали бомбить деревню, а нас у мамы шестеро... И все были, как говорили наши соседи: «Мал мала меньше!»...

Самый старший я, мне было тринадцать лет.

Сначала мы ничего не могли понять и просили всех солдат, что отступали через нашу деревню, взять нас с собой.

– Прости, сынок! – ответил мне солдат. – Прости, нас, что уходим и оставляем вас. Стыд глаза режет. Сделать ничего не можем и изменить пока тоже. Вас бы всех надо забрать...

– Куда же мы? А хозяйство? – посмотрев на солдата, ответил я.

– Мы в лес уйдем. Да и вы скоро вернётесь... Ведь вернётесь? Мне отец обещал, что скоро война кончится. Она ненадолго! – подбадривал я солдата, продолжая поддерживать с ним разговор.

– Вас у мамки сколько?

– Шестеро. Из мужиков были только папка и я, остальные девчонки. Ленка и Танюшка совсем маленькие. По очереди их нянчим, пока мама по дому управляется.

– У меня тоже трое осталось... Такой же сорванец ими верховодит. Послал им письмо, да разве теперь письма дойдут? – размышлял солдат.

– Миша, надо коров подоить! – крикнула с порога мама. – Молока солдатам в дорогу дать не помешает. Хлеба я испекла.

– Пойду я, дяденька солдат! Некогда мне... Работы много, день ещё только начался, – по-хозяйски ответил я солдату.

– Славный у тебя мужичок! – похвалил меня солдат. – Хозяйственный, домовитый.

– Так на него только одна надежда и осталась. Он и за брата им и за отца. Пока слушаются... – улыбнулась моя мама, а у самой в глазах были слёзы.

Ей, видимо, хотелось сказать этому солдату другие слова, спросить его: «На кого же нас оставляете? Как мы теперь? Старики, бабы, дети...»

Но не сказала, потому что ответа не было ни у тех, ни у других, ни у этих, что покидали сейчас нашу деревню.

Когда немецкие солдаты зашли в хату, я успел спрятать сестёр за печку. Мама забросала нас старым тряпьём и приказала молчать, не хныкать и не плакать. Сёстры прижались ко мне, как воробушки. Были они голубоглазые, светловолосые, похожи на маму, а я в отца: тёмноволосый и зеленоглазый.

Слышно было, как мама успокаивала Ленку и Танюшку, спали они в одной кровати. Отец так и не успел смастерить им кровать побольше: Ленка и Танюшка были двойняшки.

Если плакала Ленка, то эту же «песню» подхватывала Танюшка.

«Почему?» Я этого никогда не мог понять, спрашивал у мамы, но она тоже затруднялась мне объяснить...

– Не тронь! – услышал я крик мамы. – Не своё не тронь! Это молоко детям!

На ломаном русском языке кто-то повторил за моей матерью: «Млеко!»

Затем ведро опрокинули и молоко подтекло к припечку. Это была утренняя дойка...

– Зачем разлил? Детям – молоко!

– Киндер? – спросил опять маму тот же голос.

Я высунулся и приподнял тряпку, накрывавшую мне лицо.

– Вот гад, всё молоко разлил! Чем теперь девчонок будем кормить?

Зашевелилась и всхлипнула Иришка.

– Тихо! Тихо! Ирочка, тихо! – прошептал я ей и показал кулак. И тут она как крикнет: «Мама я к тебе хочу! Мишка меня сейчас ударит!»

– Замолчи, ябеда! – шикнул я на сестру.

Но уже было поздно... Немец раскидал тряпки и, конечно, увидел нас.

– О, киндер! – удивлённо сказал он и засмеялся. Затем протянул руки и схватил Ирочку за волосы.

Всё произошло так быстро, что я не успел отреагировать. Иришка зашлась криком.

– Детей не тронь! Малые они! – кричала моя мама, заслоня собой Ленку и Танюшку, пытаюсь выхватить у немца плачущую Иришку. Мои младшие сёстры тоже заплакали.

Сёстры кричали, мама плакала, я тоже орал, что есть силы. И представьте, этот бешеный крик остановил немца.

Он что-то говорил на своём языке, пятясь к выходу.

Через день он пришёл снова и принёс сахар. Но он так и остался лежать нетронутым: девчонки и я обходили его стороной.

– Мама, давай его выбросим! – предложил я.

– Выброси, сынок! – согласилась со мной мама.

Каждый день мы жили в страхе. За несколько дней, на краю нашей деревни немцы вырыли большую яму, и каждый день в пять-шесть утра оттуда доносились выстрелы. Как начнут там стрелять: даже петухи замолкали, переставали петть – прятались...

А нас, всех оставшихся жителей, сгоняли к этой яме часов в двенадцать: посмотреть ужасную картину.

Мама закрывала мне глаза: « Не смотри, сынок! Не смотри!»

Неподалёку от этого места протекал ручей, в котором мы с мальчишками вылавливали улиток. Вода в этом ручье была красная, а по краям его сидели вороны.

... Меня отобрали по счёту: должны были расстрелять завтра и заперли в сарае.

Я слышал, как кричала, умоляла и просила моя мама, но изменить она ничего не могла. Конечно, не могла. В Слуцке повесили две семьи...

– Так теперь будет со всеми, – говорили местные полицаи.
– Нет места партизанам и их семьям. Научитесь подчиняться немецким властям – будете живы!

Как мне хотелось, чтобы меня и моих односельчан освободили партизаны. Из слов взрослых я знал, что они в нашем районе есть.

Ночью я решил сделать подкоп. Ещё до войны мы, играя, в этом сарае, знали, как можно было уйти незамеченным, отодвинув две нижние доски...

Когда в полдень дверь за нами захлопнули, я и мой друг Колян бросились к заветным доскам. Отодрали их легко. Через приличную щель видно было, как туда и сюда у самых дверей маршировал охранник.

– Тише ворочайся! Услышит! – предупредил я друга.

План наш удался как нельзя лучше. Через ручей мы вышли к моему дому. На кухне горел свет. Тихонько постучав в окно, я с Коляном пробежал к крыльцу. Видел, как мама, накинув платок, вышла на веранду.

– Сыночек! Родненький! Я уже все глаза выплакала. Как же ты убежал?

– Мама, после об этом! Давай подумаем, куда можно спрятаться мне и Колян: он ведь тоже со мной!

– Если только в бане, за печкой. Там, где отец всегда дрова сушил, помнишь? Так и сделаем, сынок! Баню сейчас открою.

Мама пошла с ключом к сараям, а мы с Коляном, пригнувшись, бежали следом...

Но утром немцы обнаружили пропажу: пленников было не десять, а восемь.

Допросу подвергли всех жителей. Первые пять домов сожгли вместе с жителями. Маму долго били в комендатуре, отпустили чуть живую к утру.

Всю ночь я слышал, как в пустом доме плакали сёстры. Бабушку Коляна забили до смерти в той же комендатуре.

К обеду мама зашла к нам в баню: нос был перебит, лицо опухло, и было синим, одна рука висела, как плеть...

– Дети вам надо бежать! Найдут они вас! Бегите за речку.

– Мама, а как же вы?

– Не знаю, сынок! Не знаю... Сестёр спаси! А я дай бог свидимся...

Этой ночью я и Колян, неся в корзинах младших, подталкивая вперёд старших сестёр, покинули дом, и перешли речку вброд. Мама осталась в деревне...

Только через трое суток голодные, измученные переходом мы добрались до домика лесника. Там нас и приютили добрые люди. Через неделю дед Аристарх наведалься в нашу деревню, но от неё и жителей осталось только пепелище и ничего более...

***

Платье в серый горошек.

Тихое летнее утро разорвали на части взрывы снарядов и бомб. Бомбили и наш пионерский лагерь...

Мы с подругой выскочили на улицу и закричали от страха: «Мама! Мамочка, спаси меня! Мамочка, где ты?» Воспитатель прижала нас с подругой к себе: «Успокойтесь, девочки! Теперь я буду вашей и мамой и вашим папой!»

Собирались очень быстро. Надо было дойти до Минска. По дороге многих детей встречали родители, только моей и

Танюшкиной мамы не было. Вдруг по цепочке передали, что немцы захватили Минск. Пришлось спешно поворачивать назад...

Неожиданно я услышала от девочки с другого отряда: «Я видела твою маму убитой».

Меня успела подхватить Прасковья Ивановна. Больше я ничего не помню. Доктора сказали, что у меня провал памяти...

– Ирочка! Кого ты, детка, из нас помнишь? – спрашивали постоянно меня взрослые.

Я никого не узнавала и не помнила. Не узнавала я и свою подругу Танюшку.

Она плакала возле меня, а я смотрела на неё и ничего не понимала, задавая себе один и тот же вопрос: «Как же я теперь буду жить? И что мне теперь делать?»

... До Пензы все доехали благополучно, не считая того ужаса, который мы видели по дороге. Но наши головы Прасковья Ивановна поворачивала в другую сторону, говоря: «Не смотрите, дети. Не забывайте. Старайтесь вспоминать только хорошее, и думайте тоже о хорошем».

По дороге Танюшка рассказывала мне о представлениях в цирке, на которые мы вместе с ней ходили. О том, как нам с ней весёлые клоуны вручили два шара – красный и зелёный. Старалась изо всех сил меня рассмешить

– Прасковья Ивановна, зачем она мне это всё рассказывает? – спросила однажды я у нашей воспитательницы.

– Иришка! А фамилию мою ты вспомнила?

– Новикова, – ответила я.

– Вспомнила! Вспомнила! Голубка моя! Правильно у нас с тобой одинаковая фамилия! Всё вспомнишь! Только придётся немного потерпеть, – успокаивала меня Прасковья Ивановна.

Теперь главное для меня не было человека на этом свете. Фамилия её всплыла как-то сама собой. И я не понимала, от чего это, произошло?

Снова подходили ко мне наши доктора, но имени их я не вспомнила, никого из них я не узнавала.

Танюшка не отходила от меня. Однажды она выпросила у девочек плюшевого мишку: Танюшка знала из моих довоенных рассказов, что эта игрушка была самой дорогой и любимой.

Утром она вложила мишку мне в руку.

– Что это? – спросила я её.

– Иришка! Это же твоя любимая игрушка. Помнишь, какие удивительные сказки про медведей ты мне рассказывала. Тебе такого медведя на день рождения подарил твой папа.

Но я отрицательно покачала головой.

– Нет, ничего я не помню... И папу не могу вспомнить... Прасковья Ивановна! Ничего не помню. Не помню! Не помню! – закричала я и заплакала.

– Ничего, ничего, роднулечка! Ты скоро всё вспомнишь. Мы все в это верим. Всё наладится и память обязательно вернётся к тебе.

В детском доме, куда нас разместили, меня осмотрели другие врачи. Но так же, как и наши врачи, сказали: « Всё зависит от ухода и времени».

После обхода врачей ко мне заглянула Танюшка.

– Иришка, ты не знаешь, кто такой «уход»? Я под дверью подслушивала, что они тебе говорили. Но про какой уход они вели речь?

Вошла Прасковья Ивановна.

– Прасковья Ивановна! Уход – это кто? Это тётенька или дяденька? – спросила Танюшка её.

Прасковья Ивановна улыбнулась, но ответила: « Вот ты каждый день к Иришке приходишь, заботишься о ней, поправляешь ей постель, читаешь её книжки, взбиваешь подушки – это и называется « уход». Понятно, малышка? – спросила Танюшку, улыбаясь, Прасковья Ивановна.

– Так неинтересно. А я то думала, что это что-то такое необыкновенное, чудесное.

– Он действительно у тебя такой удивительный и преданный твоей подруге, направленный только на её выздоровление.

– Только мне кажется, что она тоже не знает меня. Вы меня по имени называете, а она повторяет...

– Потерпи, – успокаивала воспитатель девочку. – Знаешь, как будет прекрасно, если она всё вспомнит?

Вдруг послышался крик Иришки. Они ворвались в комнату: Иришка стояла на кровати.

– Мама! Я видела во сне маму! Видела наш зелёный дом! Там у крылечка одна ступенька красная, а другая синяя – это краски не хватило. Я покрасила, а мама меня совсем не ругала. Ей тоже понравились разные ступеньки.

К Иришке подошла доктор. Она села к ней на кровать и взяла девочку за руку. Потом тихо спросила: « Иришка, как звали твою маму?»

Иришка, глядя куда-то вдаль, ответила: « На ней было платье в серый горошек и такой же серый платок...»

– Она не слышит моего вопроса, – так же тихо ответила доктор Прасковья Ивановна. – Будем считать, что это тоже результат...

Но Иришка продолжила говорить: « А потом ещё в парке у мамы сломался каблук, но она не плакала, а только звонко смеялась. Дядя Леня, когда узнал о нашей беде – прямо во дворе починил туфли...»

Мы все стояли как замороженные. Ждали, что девочка ещё что-нибудь вспомнит, но она больше ничего не сказала. Схватившись обеими руками за голову, она упала Прасковья Ивановна на руки, потеряв сознание.

Три дня Иришка была, как в ступоре. Все переживали.

Однажды в ворота детского дома въехал грузовик. И женщина стала быстро отдавать команды по его разгрузке. Привезли кровати, одеяла и продукты.

– Елена Ивановна? Вы? – Прасковья Ивановна обняла женщину. – Вы – Иришкина мама. Вы ещё к нам в лагерь каждую субботу приезжали её проведать... Она здесь! Мы сумели вывезти лагерь и почти всех детей.

– Девочка моя! – крик просто оглушил всех нас. Где она? Где? Мне сказали, что эшелон разбомбили, но я не верила!

– Она потеряла память, – сжав больно руку Иришкиной маме, сказала Прасковья Ивановна. Меня послали за врачом и нянечкой, потом они все трое направились в палату к Иришке.

– Дай бог, всё получится! Но если она вас не узнает, прошу вас, не настаивайте. Она очень медленно обретает то, что потеряла.

– Хорошо!

И Елена Ивановна прошла в палату к дочери. Иришка пока никак не отреагировала на её приход.

Елена Ивановна сложила кисти рук так, что из них получился голубь.

Иришка посмотрев, улыбнулась.

– Так мама мне и Егорке показывала. Ты откуда знаешь? – спросила Иришка.

– Иришка, я твоя мама! Я приехала к тебе! – она сняла военный берет, и по плечам рассыпались волосы – локоны, точно такие же, как у Иришки.

– Не подходи! – закричала девочка. – Мою маму убили! – и Иришка отодвинулась от женщины

Елена Ивановна приезжала в наш детский дом через день и часами сидела у кровати дочери. Но результат был один и тот же: Иришка не узнавала её.

Прасковья Ивановна рассказала ей о том сне, который видела Иришка, и её мама сразу же поехала в город, надев то платье в серый горошек, в котором её вспоминала Иришка. В нём она вошла в палату. Девочка обернулась на её шаги.

– Мама, Mamочка! – услышали мы все радостный крик Иришки. – Где ты так долго была? Почему не приходила?

Все: от врачей до санитарок, от воспитателей и нас детей, конечно, плакали, наблюдая, как Иришка целует материны волосы, как расправляет воланы её платья в серый горошек.

Они долго-долго сидели обнявшись. И говорили о чём-то только известном им: матери и дочери.

***

Мой младший брат

Чёрные клубы дыма, казалось, теперь плыли, словно облака. Горело всё: что можно было и нельзя – деревья, дома, цветы... И не было этому конца и края. Набрав, полные лукошки душистой земляники, мы возвращались домой. Мы – это я и мой брат Костик.

Уже не было в живых ни мамы, ни бабушки, как и не было нашего дома. Не было никого: немцы спалили всех, закрыв их в огромной конюшне.

Я сам это видел. Оставив Костика подальше от деревни, решил пойти на разведку, поняв, что в деревню возвращаться было не безопасно...

Костик был моим младшим братом и я почувствовал теперь, какая ответственность легла на меня. Кругом только лес и никого больше: ни родных, ни соседей. Из деревни не осталось ни одного целого дома. Трубы, кругом только трубы на месте домов...

– Димка! – вернул меня из забвения голос моего брата. – Димка! Я есть хочу и спать.

– Костик! – попытался уговорить я брата, – Сам того не понимая, что же мы теперь будем есть? Начал разгребать обгорелые деревяшки.

– Здесь должна быть кухня, – рассуждал я сам с собой. Значит, рядом должен сохраниться погреб, выгореть он не

должен. А в нём бабушка всегда хранила молоко, простоквашу и творог. Нет, не должен он выгореть, – подумал я и уже уверенней стал откидывать обгорелые головёшки.

– Костик, копай тоже! В погребе должно быть молоко. Помнишь, его туда всегда бабушка ставила в кринках. Тогда можно будет и поесть! Работай! Работай сильнее руками. Сам ведь только что сказал, что есть хочешь!

– А где все? – тихо спросил меня Костик. – Они все в лес ушли по ягоду. Сам видел, сколько ягоды нынче в лесу! – соврал я ему. Костик в ответ только утвердительно кивнул мне головой.

Мне показалось, что я убедил брата, и он стал быстрее копать и откидывать в сторону обугленные деревяшки.

Наконец мы увидели обитую железом крышку нашего погреба.

– Расчищай, Костик! Мы нашли его, – заорал я, увидев знакомую подковку, которая служила нам вместо ручки.

Открыв погреб, мы с Костилом забрались туда. Там было как всегда прохладно и на отведённом бабушкой месте стояли кринки с молоком. Молоко пропахло дымом и гарью.

– Я же тебе сказал, что молоко обязательно будет в погребе! – и протянул кринку Костику. – На, пей! Только не всё! Мне тоже оставь, немножко, – предупредил я брата.

– И всем остальным! – ответил мне Костик. – Они тоже голодные вернутся! Верно? – спросил он меня.

– Конечно! – согласился я с братом с глазами полными слёз.

Банки я аккуратно спустил вниз, освобождая полку и получилась совсем приличная лежанка.

– Костик, давай, ешь! И можешь лечь поспать. Ты здесь точно поместишься.

Костик утвердительно махнул головой.

– Только я не понимаю, куда делся наш дом?

Но я не дал ему договорить.

– После тебе расскажу. А сейчас спать!

Уложив Костика, и удостоверившись, что он сладко засопел, я приоткрыл погреб и выбрался наружу, в надежде найти хоть какие-нибудь вещи.

А перед глазами стояла картина, которую никогда мне не забыть...

...Резиновыми дубинками и автоматами всех сгоняли в конюшню. Тех, кто сопротивлялся, пристреливали на месте.

Из всей толпы односельчан я вдруг увидел маму, она придерживала с одной стороны деда, а с другой бабушку. Наши

глаза встретились. По её взгляду я понял, что не надо высовываться. Я рванулся было, но меня снова остановил её взгляд.

Кивком головы она показала на лес, как будто говоря: «Прячься сынок! Уходи!» В синих глазах её застыл ужас и страх.

– Мамочка! – так хотелось крикнуть, но мысль об оставленном в лесу Костике, не давала мне это сделать.

...Крики и стоны: всё смешалось в этот момент. Тех, кто не поместился в конюшню, расстреляли у ворот, потом облили бензином и подожгли.

В свои десять лет я перечитал много книг о гражданской войне, как и любой мальчишка играл в «войнушку».

– Обливайте бензином! Пошевеливайтесь! Пока они двери не распахнули!! – командовал, выслуживаясь, наш одноногий сосед.

Вся наша ребячья гвардия ненавидела его, дав ему прозвище «сморчок». И «сморчок» выполнял с охотой порученное ему дело. Улыбаясь, он толкал в спины ружьем своих же односельчан.

Немцы, видимо, не простые солдаты, одетые в длинные чёрные плащи и высокие фуражки, смеясь снимали эти кадры на фотоаппарат.

– Гады! – вырвалось у меня. – Детей – то за что? Кто вас звал на нашу землю?

...Красное пламя снизу стало лизать двери конюшни. От крика людей, я, казалось, глохнул. Слезы бежали по моим щекам.

Двери они подпёрли шпалами и выбраться оттуда не представлялось никакой возможности.

Знойный день и алое пожарище всё смешалось воедино. Все два часа, пока горела конюшня, я, наблюдая, с силой сжимал кулаки. Несколько раз порывался кинуться на помощь, но пронизательный мамин взгляд останавливал меня.

К Костике я вернулся уже ближе к обеду. Решил ему ничего не рассказывать, только сказал, что дом наш сгорел от замыкания электропроводки.

– А мама? – спросил он меня сразу.

– Мама и все остальные ушли в лес собирать ягоды.

Сначала он вроде бы поверил, но потом совсем не по-детски спросил меня:

– Ты, наверное, меня обманываешь?! Скажи правду! Я плакать не буду. Когда плохо бывает, друг друга расстраивать нельзя. Так наша бабушка говорила...

Мне показалось, что он даже повзрослел за эти несколько часов, стал больше ростом. Его доверчивый детский взгляд, сменился обеспокоенностью.

Два дня Костик молча страдал со мной. Мы облазили все окрестности нашей деревни в поисках еды и воды. Обнаружили колодец, и ещё три таких же погреба, как и наш. Еды пока нам хватало.

И вот однажды Костик принёс мне платок нашей мамы.

– На кусте калины был завязан... – Это мамин платок! Я узнал его! Скажи, что с мамой?

Я не сдержался: схватил его в охапку, прижал к себе и минут пять рыдал навзрыд, совсем не стесняясь своих слёз. Прижимая платок к груди, плакал и мой младший брат.

– Мамы не будет... Я всё понял... Зачем ты меня обманывал Димка? Зачем врал? Они не вернутся? Значит, остались мы только вдвоём?

– Значит, так! – ответил я ему.

Костик свернул платок и засунул его за пазуху.

После двух недель скитаний по лесу, мы с братом набрали на беженцев из соседней деревни. Так у них и остались. Люди, которые нас приютили, оказались отзывчивыми и добрыми. Но с тех пор у Костика начались приступы эпилепсии – «падучей болезни». Он вздрагивал всем телом, его били судороги и мамин платок всегда выпадал мне на колени. Единственное, что осталось от нашей мамы...

***

Ленка

Поезд мчал нас уже далеко от нашего города. Посадка была очень сложная. Нас у мамы двое – я и мой брат Пашка, совсем маленький, мама называла его «грудничок».

Моя мама передала его какой-то женщине в окно, затем просто втолкнула в этот же вагон меня, а сама сумела сесть только в последний вагон: уже на ходу поезда какой-то офицер подал ей руку и втащил в тамбур.

Но этого я всего не знал, сидя на баулах и держа на руках Павлика. Старался не думать о плохом, что мама могла отстать от нашего поезда при посадке. Я терпеливо её ждал.

– Куда мамка – то ваша делась? – спросила меня женщина с маленьким ребёнком на руках. Видя мой обеспокоенный взгляд,

продолжила: « Не волнуйся! Давай- ка, иди сюда! Я потеснюсь. Мы должны поместиться здесь вдвоём».

Прошло уже минут десять, а мамы всё не было и не было. Стало страшно не за себя, а за Павлика.

– Что буду делать? Вдруг она и правда осталась на станции? Павлика кормить скоро!! – взглянул я на Павлика и ещё крепче прижал его к себе.

– За это не переживай! Буду кормить скоро свою и твоего братика покормлю, – угадывая мои мысли, сказала моя попутчица.

– Меня тетей Катей зовут. А тебя?

– Как папу – Николаем, – гордо ответил я ей.

– Значит, ты у нас Николай Николаевич? Приятно познакомиться.

– Коленька, Коляшка!! – это был мамин голос. Только она меня так называла.

Я увидел её, пробирающуюся к нам.

– Мама, родная! Мы здесь!! – закричал я.

И мама, услышав мой голос, активнее стала пробираться к нам.

– Пустите, люди, добрые! Сыночек у меня там, – объясняла она всем, кто попадался на её пути.

У меня на руках проснулся Павлик. Не захныкал, а закричал сразу, а делать он это умел за двоих. Вот и сейчас не просто кричал, а орал.

– Тише, тише! – успокаивал я его. – Вот и мама наша нашлась. Сейчас тебя дурачка покормит!! Успокойся!

– Коляшка, родненький, сыночек! Думала уж не найду вас! Сильно испугалась!! – усаживаясь на моё место. Павлик, почувствовав мамины руки, сразу затих.

– У, крикун! – сказал я больше с любовью, чем с обидой.

... В вагоне было душно и жарко, казалось, что сто солнц сразу обогревают наш вагон со всех сторон. Открывали окна. Женщины с маленькими детьми возмущались, но дышать хоть на чуть- чуть становилось легче.

Но к ночи мама вдруг обнаружила, что Павлик весь горит. Он не плакал, нет, но был весь, как « варёный».

– Коленька, боюсь, у нас Павлик заболел! Горит весь! Что делать будем? Надо бы доктора...

– Да где его теперь найдёшь, мама? – встревожено ответил я ей, щупая голову Павлика.

– Постарайся распаковать баул: в нём должна быть бутылочка со спиртом, надо обтереть его, снизить как-то температуру. Сможешь достать?

– Попытаюсь? – обнадеживающе ответил я, пробираясь к указанному баулу.

Поезд дёрнуло так, что с верхних полок посыпались чемоданы, люди, и кто-то крикнул:

– Выходите с вагона! Если не хотите здесь умереть!! Самолеты бомбят станцию, к которой мы подъезжаем!

– Коленька, сынок! Пробирайся к выходу!

– А баулы?

– Да, бог с ними с баулами... Самим бы в живых остаться!! Поторапливайся, сынок, поторапливайся!

Рвались бомбы. От их свиста и крика людей мы с мамой почти не слышали друг друга. Я, работая локтями, пробирался к выходу, за нами двигалась тётя Катя со своей девчонкой на руках.

– Скорее! Скорее! – торопили они меня.

Свист очередной бомбы разорвал всё и всех. Состав горел. Впереди нашего вагона образовалась огромная воронка. Я спрыгнул на землю, протянул руки, чтобы взять Павлика у мамы и Ленку у тёти Кати.

С двумя « орущими свёртками» спустился с насыпи и, споткнувшись, упал, и дети чуть не выпали из моих рук.

– Коленька! – это было последнее, что я услышал. Мама прыгнула ко мне и помогла поднять Ленку и Павлика, побежав от вагона.

А тётя Катя осталась в вагоне, её оттеснили от мамы, и мы только слышали её голос: « Леночка! Доченька! Да пустите же!»

Рвануло так, что красное зарево обожгло мне руки, голову, совсем сожгло брови и ресницы. На месте нашего вагона зияла такая же воронка...

Мы лежали, с мамой, закрыв собой Павлика и Ленку, слышен был их не крик, а писк.

– Если пищат, то живы!, – подумал я. – А это самое главное!

– Коленька! Дети живы?

– Живы и наш, и тёти Катина! – поднимаясь, ответил ей я.

В голове шумело, почему-то стало рвать. Повсюду лежали убитые и раненые. Рельсы вывернуло, горели оставшиеся вагоны...

– Коленька! – тормошила меня мама. –

Поищи, Катю! Может где раненая лежит?

Шатаясь, я обошёл воронку вокруг, меня мутило. Долго звал и кричал её по имени, но никто не откликнулся. Только два баула: наш и тёти Кати валялись по другую сторону от железнодорожной колеи.

Вдруг взгляд мой выхватил яркие голубые бусы. Они были надеты на шею тёти Кати, а теперь лежали с чьей-то оторванной рукой. Знакомые часы, подсказывали мне, что это была рука тёти Кати.

– Господи, какой ужас! Бежать! – закрыв лицо руками, я бросился назад к маме.

Мама ничего, не спрашивая, всё поняла по моему лицу.

– Девочку возьмём себе... – тихо сказала она, вытирая слёзы.

– Её Леной звать, – так же тихо ответил я ей.

К ночи нас всех подобрала какая – то военная машина. Павлик совсем разболелся. Он кашлял и хрипел, задыхаясь. Пока мама занималась Павликом, я держал на руках Ленку. Она была почти одного возраста с Павликом: месяцев пять- шесть, не больше.

Павлик снова стал задыхаться, он уже не плакал, а хрипел всё больше и больше. Я видел, как мама молилась, хотя этого никогда не умела делать, и в церковь никто из нас не ходил.

– Помоги ему, господи! Помоги! – слышал я её шёпот. Видя, как она прижимает Павлика и плачет, у меня тоже покатались слёзы, капая Ленке на лицо. Она, тихо посапывая, спала у меня на руках.

Так мы доехали до станции Первомайской. Шофёр, зная о нашей беде, остановив машину, побежал искать доктора. Маму и Павлика уложили в лазарет.

– Будем надеяться, – сказал доктор, обращаясь к маме. – Остаётся только надеяться! – повторил он. – Я буду часто навещать вас. А тебе мальчик и твоей сестре здесь не место. Выйди, пожалуйста, в коридор. Там есть кушетка. Нельзя здоровому ребёнку находиться с больными. Есть возможность заразиться. Я понятно говорю?!

– Поняла, Ленка! Ты мне теперь сестра!.. – И мама теперь у тебя – моя мама... Всё будет хорошо. Только бы Павлик поправился!

И я вышел с Ленкой в коридор.

К утру Павлику сбили температуру. Маме разрешили его и Ленку покормить. Ленка сосала грудь и захлёбывалась молоком.

А мама, улыбаясь, говорила ей: «Не жадничай! Обжорка, Павлику оставь!»

Павлик пососал немного и уснул. Он был ещё слаб. Маме выдали простыни, и она смогла перепеленать теперь уже моих сестру и брата.

Павлик поправился. И через три месяца нас переправили в Казахстан. Мы нянчили Павлика и Ленку: не деля их на своего и чужого. Папе мама написала о Ленке всю правду.

В треугольнике-ответе, который мы получили, от него, были, такие слова: « После войны разберёмся, Галчонок! О девочке позаботьтесь, как о своей. Всё будет после войны!...»

***

Не будем думать о плохом...

Когда я попала в детский дом, не знала своей настоящей фамилии. Нашли меня на Северном вокзале милиционеры. Сначала я плакала, но дяденька милиционер укутал меня в свою шинель и понёс куда – то. Мне стало тепло, и я по дороге уснула, не видя, куда он меня принёс.

– Маша, принимай, новенькая! – от этого крика я и проснулась.

– Здравствуйте! – нам на встречу вышла молодая женщина, похожая на сказочную фею. Волосы у неё были длинные и волнистые, глаза голубые, а улыбка добрая- предобрая. Мне она сразу же понравилась.

– С Северного вокзала, – протягивая меня, сказал ей милиционер. – Бедняжка замёрзла, потом пригрелась и уснула, даже не плакала совсем... – ответил «фее» милиционер.

– Как тебя звать, девочка? – спросила меня добрая, улыбчивая женщина.

А я и не знала.

– Бабушка меня называла Маруся, когда я жила у неё в деревне. Мама звала Муся, а папа называл Маришкой! – ответила я.

– Так не бывает! Должно быть, только одно имя у ребёнка. Ты что-то путаешь, девочка?

– Ничего не путаю! Когда папа приезжал из командировки, и мы его встречали на вокзале, он говорил: « Здравствуйте, мои дорогие, Света и Маришка!» – настаивала я. Светой звали мою

маму. – Только её увезли на паровозе. Я её везде искала, потом пришла на вокзал, может быть папа приедет из командировки?

– А фамилию помнишь?

– А что такое Фамилия? – спросила я, наклоняя голову.

– Всё понятно... Будешь теперь Мариной Северной. Нравится?

– Да! – пока ещё ничего не понимая, ответила я.

– За сегодня уже четырнадцатая, а до вечера далеко, – глядя на меня, сказала фея.

Она отнесла меня на руках в конец коридора.

– Не бойся, сейчас тебя осмотрит врач. Затем мы пойдём в парикмахерскую и баню. Ты ведь давно не мылась в бане?

– В бане не мылась никогда, а в ванне давно, – ответила я, немного подумав. – Бабушка ходила в баню. А у меня в ванне всегда плавали утята жёлтые-прежёлтые.

– Меня будешь называть Марией Петровной!

Я обняла её, и мы вошли в светлую комнату, где в белом халате и белой шапочке сидела доктор.

– Новенькая я! – опередив Марию Петровну сказала я.

– Доктор, осмотрите, девочку, а я пока подберу ей что-нибудь из одежды! – удивляясь моей решительности остаться с доктором, Мария Петровна улыбнулась.

– Моя мама тоже доктор! И носит шапочку, как и вы. Только я её давно уже не видела. Она всё не приходит и не приходит. А потом, когда ушла её искать, я потерялась совсем. Вы, случайно не знаете, где может быть моя мама?

– Мы постараемся её найти, малышка! Ты только не переживай! Взрослые – не дети их найти проще... – успокаивала меня доктор.

– Мама ещё говорила, что «Дочка и я – одно лицо». Я на неё похожа. А папа говорил: «Никогда не спутаешь, чья это дочь!» На меня смотрите и найдёте маму, – так сказала я доктору.

– Хорошо! А теперь, разреши мне тебя осмотреть.

– А вы отвернётесь? – спросила я и вопросительно посмотрела на доктора.

– Смотри, какая! Отвернусь! Конечно, отвернусь, – ответила мне, улыбаясь, доктор.

И правда, не обманула меня, отвернулась к окошку.

Всё мне нравилось здесь до того момента, пока не встал вопрос о том, что мои косы нужно отрезать. Пытаясь препятствовать, я отчаянно отбивалась, кусалась, дралась. Но это не помогло...

Мои светлые косы упали на пол. А меня, как мальчишку, постригли «наголо» и подвязали платком. И что меня удивило, все стояли и совершенно спокойно смотрели на мои выкрутасы. Никто не ругал меня, а старенькая бабушка, которую все ласково звали баба Тася, вытирала слёзы. Наверно, ей было жалко мои косы.

Так началась моя жизнь в детском доме. Как хотелось маминой ласки, чтобы папа был дома и поиграл со мной в «догонялки» и «салочки». Но этим взрослым было не до нас. И тогда я сама решила ночью сходить к Марии Петровне. Пробираясь, сквозь кровати, я дошла до маленькой комнатки, где по очереди дежурили Мария Петровна и её сменщица Надежда Юрьевна. Мария Петровна, закрыв лицо руками, плакала. Я тихонько подкралась к ней, разомкнула её ладони.

– Вам плохо? – спросила её.

– Мне очень-очень плохо! – ответила мне она.

Я забралась к ней на руки и, обнимая, стала целовать. Щёки у неё были солёные от слёз.

– Он не может пропасть, как написано в этой бумажке. Этого не должно было случиться! И он обязательно найдётся, правда? – говорила она мне, показывая на серый клочок бумаги.

– Вы мне всегда говорили, что мама меня найдёт. Надо верить и ждать каждый день – это ваши слова? – вопросительно взглянув на Марию Петровну, сказала я. – Мы все хотим, чтобы наши папы и мамы вернулись, и не плачем, а терпеливо ждём, – успокаивала я её, глядя, по волнистым волосам.

– А это? – посмотрев на меня, Мария Петровна отбросила в сторону листок. – А это будем считать недоразумением. Не получала я такого письма... Не видела!

– И я не видела, – повторила слова Марии Петровны ответила я. – Сейчас спрячем его в стол. Будем думать только о хорошем... – так баба Тася нас учит. – Разве вы не знаете?!

Мария Петровна вытерла слёзы, удивляясь, как такой маленький ребёнок мог успокоить и заставить её взрослую женщину посмотреть совсем по-другому на произошедшее.

« Да, кругом война. У всех горе... Но это не повод раскисать! Может быть, он у партизан, может в госпитале? Много «может» приходило на ум».

Успокоившись, Мария Петровна укрыла меня большим одеялом в синюю клетку, и прилегла со мной на кушетку. Сразу стало тепло и спокойно, как раньше, когда я засыпала в детстве с мамой. А потом она переносила меня в свою кровать. Иногда я

просыпалась, но от её рук исходило только спокойствие, и оно погружало меня в сон.

... Через год с небольшим, когда все уже смирились с её горем, Мария Петровна получила заветный треугольник.

– Повезло девчонке! Нашёлся её жених!

Мария Петровна пришла ко мне в изолятор. Я болела ангиной.

– Спасибо, тебе, Мариночка за поддержку!! За доброе такое ещё маленькое и такое большое сердце!!

Она протянула мне конфету, настоящую довоенную конфету в золотой обертке с рисованным мишкой. Говорить мне было больно и трудно. Я потянулась к Марии Петровне, и мне так её захотелось назвать мамой. До конца войны оставалось три года...

***

Сорок четвёртый год

Деревню нашу освободили от немцев только в сорок четвёртом году... Три года оккупации мы боялись кашлянуть, ходили по одной досточке, чтобы в кухне не скрипели половицы. Этого не любили геры офицеры.

Чаще всего я и две мои сестры прятались под кровать: немцев мы боялись, как боялись их и все жители нашей деревни. Чувство страха не покидало нас ни на минуту.

Немец, который жил у нас в доме был в очках. До этого я представлял, что в очках могут ходить только учителя, а оказалось и враги тоже.

Он жил с денщиком в одной половине дома, а мы все в другой. Нина, самая младшая из моих сестёр простыла, и сильно плакала, кашель бил её, особенно, по ночам. В одну из ночей, когда малышка плакала денщик офицера приблизился к ней, вытащил пистолет.

– Она болеет!– загородила собой Нину мама.

– Если будет мешать господин офицер спать, то я сделаю ей « пуф- пуф!», – ответил маме денщик.

Теперь ночью, как только она закашляет, мы поочерёдно, заворачивая её в одеяло, бежали на улицу, и там пережидали приступ кашля. Укачивая её, пока она не заснёт или не успокоится.

Немцы забрали у нас всё: перестреляли кур и уток, угнали коров. На кухню нас не пускали, варили они там только себе. Мы ходили есть, и варить к соседям. Нину и Наташу я оберегал, старался следить, чтобы они не ходили на кухню. Но девочки плакали и просили у меня есть.

Однажды Нина принесла свою любимую игрушку – чёрную курочку.

– Давай сварим её! – попросила она. – Сварим её, и все сразу станут сытые...

Мама прижала Нину к себе, потом все мы плакали.

– Тише, дети! Тише, давайте успокоимся! Прогонят их скоро! Нам бы дождаться весны... Крапива с лебедой пойдут: станет легче.

– Мама, а далеко ли ещё до весны? – спросила её Нина.

Я взял её ладошку в свою и стал загибать пальчики.

– Февраль, март, апрель: и первая трава появится на опушках леса. Потом ягоды, грибы пойдут – проживём!

– Потом и папка наш вернётся? – тихо спросила меня Наташа.

Как ответить ей на этот вопрос? От отца мы не получали ни писем, ни весточки, не знали о нём ничего. Да и как бы узнали, если кругом немцы?

Ночами я с ним разговаривал, жаловался, просил совета, да так и засыпал с надеждой, что придёт то время, когда сидя на завалинке, я расскажу ему обо всём, что пришлось пережить. Сколько унижений пришлось нам испытать в своём же доме от немцев!

... Опять запахло супом. Я занимался с Наташей, учил её складывать слоги: в первом классе это мы успели пройти. Наташа должна была в сентябре пойти в школу, но война изменила все наши планы. Она изменила и людей: нас детей и взрослых. Кто-то стал более жалостливым, а кто-то, например, полицаи, более свирепыми к нам жителям, этой же деревни, в которой выросли сами. Только мне всё равно было непонятно: « Как можно быть до войны советскими людьми, а потом стать врагами? Почему так всё могло измениться? »

... Мы с сестрой были заняты буквами и прокараулили, когда Нина выползла на кухню. Мама наша работала на рубке леса.

– Нина!! – только и успел крикнуть я, но было уже поздно. Немцы вылили ей на протянутую ручку кипяток.

Мы стремительно бросились в кухню.

Немцы смеялись и показывали пальцем на девочку, что-то говоря на своём языке.

Схватив плачущую, нет, орущую Нину, я, как можно быстрее опустил её ручку в ведро с холодной водой. Нина плакала, а немцы смеялись.

Нам с Наташей, казалось, что мы никогда не сможем успокоить нашу сестру. Ненависть и гнев охватили меня, но на этот раз немцы были сильнее моего гнева. Пришлось загасить его, потому что понимал: сейчас люблю мою выходку немцы не простят – либо расстреляют, либо подожгут дом...

– С каким удовольствием я бы вас расстрелял, гер офицер! Отомстил за нас, за Нину!! – тихо сказал я.

Немец не понимая того, что я сказал, развернул меня к себе и ткнул пистолетом мне в грудь. Страх не было. Я смело смотрел ему в глаза и, кажется, выиграл это сражение. Немец опустил пистолет и пошёл прочь из нашей избы.

Ничего, кроме гусиного жира мы в доме из лекарств не нашли. Им и смазали руку Нине.

С тех пор наша щебетунья – сестра замолчала. Она молчала всегда. Поднимая на нас свои глаза, она силилась что-то сказать, но ничего не получалось.

Мама, уходя на работу, теперь припирала дверь снаружи, а мне приказала в отцовских инструментах найти крючок и прибить его для надёжности. Так я и поступил.

... Рубцы на руке у Нины долго не заживали. Сестра плакала и кричала от боли, только звуки были не похожи на слова. Мама совсем отчаялась. Соседка тётя Капа принесла сушёного листа подорожника.

– Размачивайте и прикладывайте! Обязательно должно затянуть! Сразу, конечно не поможет, но результат со временем будет! О, Господи! Ладно, мужики наши воюют, а здесь точно второй фронт, детей – то за что?! – сокрушалась соседка.

Не было и дня, чтобы мы не плакали, видя, как мучается и страдает наша сестра. Уговаривали её перевязывать руку по очереди. Нина молча поднимала на нас глаза, полные слёз и страдания.

– И почему это случилось не со мной? – часто задавал я себе вопрос.

Мама, видя, как я переживаю, говорила мне: « Не казни себя! Теперь нужно молиться, чтобы она заговорила и побыстрее зажила».

– Мама, вернётся папа, и мы повезём её к лучшим докторам, – пытаюсь нас хоть как-то успокоить, говорила Наташа.

– Только когда это будет? А помощь нужна сейчас... Адски трудно оттого, что ты ничем не можешь помочь, – ответила мама.

А разрешение проблемы пришло совсем неожиданно.

– Собака! Наша собака! Она, помните, все раны зализала себе после того, как её погрызли волки.

Я взял Нину и понёс её к Тобику, на ходу развязывая ручку сестры.

Собака сначала обнюхала рану, затем лизнула её.

– Заработало! – крикнул от радости я. – Тобик, ты молодец! А ещё сможешь? Попробуй, дорогой ты мой, пёс!!

Не обращая внимания на рёв Нины, я держал её, а наш пёс лизал и лизал рану. Эту процедуру мы повторяли ежедневно и через неделю с небольшим рана начала затягиваться. Нина, теперь, не боясь, боли, протягивала Тобику ручку. Появились первые рубцы.

... Говорить Нина так и не говорила, мычала какие-то звуки, подобие слов.

Мы дождались возвращения нашего отца с войны. Весь ужас пережитого думал, забуду с первыми победными залпами. Но память возвращала меня в страшный сорок четвёртый год.

***

Как мы искали партизан

Когда у нас в деревне появились фашисты, почему-то не помню. Помню, что их было много на мотоциклах и танках. Из дома мы боялись выходить. Они играли на губной гармошке и горланили свои песни.

... С братом мы давно одни. Мама умерла до войны. Когда папу призвали в армию, то мы остались с тётёй Клавой.

– Теперь мы будем твои дети? – спросил её мой брат. – Ты не будешь нас наказывать и ругать, как ругала прошлым летом?

– Как долго ты помнишь обиды, Серёженька! – виновато упрекнула его наша тётя.

– Нет, я уже забыл, – опуская глаза, ответил Серёжа.

– Давай, забудем обиды, хороший мой! Если я была не права, прости меня, пожалуйста! – обнимая Серёжу, сказала тётя Клава, смахивая слезу.

– Иван, мы найдём нашего папу?

Мы почему-то надеялись встретить, обязательно встретить нашего отца.

– Раз мы с братом здесь, значит, неподалёку должен быть и наш отец, – утвердительно сказал я.

– Посмотрим, дай бог, чтобы это было так!.. Но на улицу старайтесь не ходить зря. Кто знает, что у них на уме? Лучше на глаза не попадаться – это моё мнение, – пояснила тётя Клава.

Дождавшись ночи, мы решили осуществить свой план: убежать и найти нашего отца и партизан.

Прошло уже три дня со времени побега.

Ночевали, где придётся. Днём прятались в лесу, а к вечеру, наломав хвойных веток, я делал постель. Но мы не учли одного: взятая еда скоро закончилась. Тех, кто ищет своих пап и мам было много. Нам постоянно встречались по пути дети. Они искали своих родителей, даже если и знали, что родители убиты, все равно говорили нам, что тоже ищут папу с мамой или кого-нибудь из родственников.

Сначала я не понимал их стремления, а потом понял: вдруг они спаслись, либо у партизан – всякое бывает...

Идя уже много километров, вышли к какой-то деревне. Есть хотелось всегда, падали в обморок, хорошо было, если попадалась по дороге черемуха, пили из ручьев и маленьких речушек. Наш небольшой отряд состоял из десяти человек, самым старшим среди них был я. В этом году мне исполнилось десять лет.

Пробежал с Колей мимо открытого окна – там, видно, недавно пекли картофельные пироги. И когда мы приблизились к заветной цели, услышали запах этих пирогов.

– Коля! – крикнул я. – Скорее пробирайся! – оглянулся, а вокруг никого.

Колю я нашёл в кустах, от запаха печеного у него случился голодный обморок. Почему-то украсть мне не позволила совесть. У нас не принято было брать чужое: «Никогда не воруй, лучше попроси!» – вспомнились мне слова бабушки.

Затащив Колю в дом, я уселся на скамейку дожидаться хозяев.

Через некоторое время Коля пришел в себя.

– Пирогам пахнет мамиными! Хватаем и бежим отсюда! Чего ждать? Хочешь, чтобы нас поймали, да того хуже, отлупили, как следует ремнем. Какой ты правильный. Ты как знаешь, а я сейчас украду пирог! В лесу мальчишки и Вера ждут, – поднялся он с пола, но я перегородил ему путь.

– А если у нее своих детей куча? А если это последний у них пирог? Подождем! Меня никто не учил воровать и тебе не советую! – ответил ему я.

Время шло медленно, и вот мы услышали, как в сенцах кто-то сильно кашляет, охает.

– Да что же это со мной! Ничего не помогает, кашель забил совсем, – услышали мы голос хозяйки.

Она вошла в кухню, еще не видя нас, занесла чугунок с картошкой.

– Здравствуйте! Вы только не пугайтесь, мы без спроса ничего у вас не взяли. Дайте что-нибудь поесть! – начал я.

Хозяйка вздрогнула от неожиданности.

– Откуда вы здесь? Как вы сюда попали, дети?

– Я влез в окно, а Коля потерял сознание от голода, я его так через дверь втащил, – ответил ей я.

– А где родители? Хотя понятно, у большинства из вас нет никого. Идите сюда к печке поближе. Так ты еще и босой? – она взглянула на мои ноги.

– Не только я, тетенька! Нас десять человек, все голодные и босые, хворые.

– А где же остальные! – с тревогой спросила она.

Коля дернул меня за пиджак: «Не говори, бог знает, что у нее на уме. Сдаст нас всех немцам!»

– Не бойся, не сдам! – хозяйка услышала слова Коли.

– Сейчас вы поедите совсем чуть-чуть. Нельзя вам много, потом тут же и умрете. Приведите остальных. А я уже буду думать, как переправить вас в безопасное место.

– Простите! Разные бывают хозяйки, нам пока только хлебом помогали, – объяснил ей Коля.

Она принесла воды, мы за две недели впервые мы умылись с мылом.

– Садитесь, – пригласила она нас к столу. – Знайте, что есть вам много нельзя, поэтому по кусочку пирога отрежу.

– Мне кажется, кусочек, это совсем мало! Хоть по два! – пробурчал Коля.

– Коля, ей виднее! А потом мы все сейчас съедим, а остальные? – попытался урезонить я друга.

– Верочка в лесу осталась и малышня – мы самые старшие! – откусывая, душистый пирог, пояснил Коля. – Им еще труднее без еды. Что насобирали в деревнях – им несли, в дороге даже не попробуем ни картошки, ни сала, ничего. Делимся, когда все придут, – пояснил хозяйке Коля.

Пирог оказался очень вкусным и мы не заметили, как съели этот кусок. Руки сразу потянулись за следующим, но хозяйка остановила нас.

– Будет, хлопцы! Нельзя! Идите за своей малышкой. Я пока картошки наберу побольше в чугунок сварить.

Уходили мы от нее с тревожным чувством, постоянно оглядывались, прислушивались к шорохам, потому что в памяти был свеж случай, когда в одной из деревень погиб Глебка. Его сдали полицаям жители, когда он заходил, так же как и мы, попросить хлеба. Глебку повесили.

Наконец мы добрались до своих. Нужно было видеть глаза наших малышей. Они голодными глазами смотрели на наши пустые карманы, руки и корзину. Объяснив им ситуацию, мы подняли и понесли на руках совсем ослабевшую Веру и Кирюшку: они были самые маленькие.

– Только идите все тихо! Незачем привлекать внимание! Только тихо, – предупредили мы.

Хозяйка вышла к нам навстречу.

– Идите все сначала в баню, помойтесь. Там я приготовила кое-какую одежонку. А маленьких давайте сразу в дом, – она взяла у меня Веру.

– Господи! Легкая – то какая! Что сделали с народом, нехристи?! Что сделали?! – горестно повторяла она. – Старайтесь не шуметь. А то мало ли чего? Пока в деревни немцев нет, одни полицайи, но и к ним тоже лучше не попадать. Все понятно? – переспросила она нас.

– Да, – все шепотом ответили ей. – Понятно, как не понять! А покушать вы нам дадите? – переспросил её Юра.

– Меньше разговаривайте! Картошку я сварила.

С Верой на руках она прошла на веранду. Потом зашла в баню за Кирюшкой.

– Складывайте рубашки, штаны. Я потом все сожгу. Вшей, небось, тьма!

– Хватает, – ответили мы наперебой.

Потом в чистой хате мы ели картошку, но опять же чуть-чуть. Веру и Кирюшку женщина покормила отдельно. Они не ели, а заснули у нее на руках, выбились из сил.

– Марией Ивановной меня зовут: учительница я, – сказала она нам. – Перекусили, ребята? А теперь вы будете сидеть тихо-тихо. А мне нужно будет уйти совсем ненадолго. Не бойтесь, свечку попросту не жгите. В другой комнате я расстелила одеяло: Кирюшу и Веру уложите на кровать, а сами на пол. Всё понятно?

– Да!! – ответили мы ей хором.

Взгляд наш выражал сомнение, но Мария Ивановна перехватила наш взгляд.

– Не беспокойтесь, мальчики! Надо доверять людям! Займитесь, как вы говорите «малышнёй»! Остальное теперь не ваша забота.

Она захлопнула за собой дверь и ушла в ночь.

– Коля, а вдруг!?!..

– Спать никто не ложится! Всем понятно? Никому не спать, кроме Веры и Кирюшки!!

– Ладно! – ответили мне все встревожено.

От натопленной хаты и еды всех разморило: они тёрли глаза, но, помня мой наказ, старались не спать, хотя сделать это было очень трудно, почти невозможно... Плакала и всхлипывала во сне Вера.

– Успокой её! Мария Ивановна сказала сидеть тихо...

Я подошел к кровати, взял её на руки, начал качать.

– Вернется или не вернётся? – спросил меня Коля.

– Замолчи! Ничего я не знаю! Сказала, вернётся! Значит, вернётся! – огрызнулся я. – Может, убежим, пока не поздно?

– Веру с Кирюшкой жалко!

Послышался лай собаки. Как бы мы не хотели, но наши все уснули.

Коля схватил кочергу, я скалку – и встали у дверей, решив таким образом принять оборону, защищать нашу малышню.

– Ребята – это я! Всё складывается хорошо. О вас уже знают в отряде.

Мы опустили своё «грозное» оружие, и глубоко вздохнули:

– Да вы что! Вот натерпелись бедняжки.

– Я забираю детей! – посмотрев на нас, сказал парнишка, пришедший с ней. – Мария Ивановна! Доставлю в отряд. Не беспокойтесь ночью, переправим. Собирайтесь, ребята!

Коля до сего времени не веривший, что все наши мытарства вдруг закончились, закрывшись руками, отвернулся и заплакал. И тут, как по команде, зарыдали все наши: кто тихо, кто в голос, плакали все. Стоя в дверях, плакала Мария Ивановна...

***

Похоронка.

Первые «похоронки» приходили с войны в наш город так же, как и в другие города. Слышны были крики и плач женщин. Становилось страшно за нашего отца.

– Война скоро кончится! – обещал он нам, когда уходил на фронт.

– И мы обязательно с Петром вернёмся, – успокаивал он мою маму и нашу соседку тётю Иру. Пётр и мой отец были неразлучными друзьями, дружили ещё со школы ...

Но шёл уже 43 год, а войне не было видно конца.

Мы люто ненавидели фашистов, заставляющих так горько плакать и переживать детей и взрослых. Ненавидели почтальона тётю Люсю, ведь именно она приносила в семьи горе – бумажки коричневого цвета. Всё чаще и чаще, чем треугольники, заветные треугольники с радостной вестью о брате, сестре, отце, обо всех, кто воевал.

Мама ушла в ночную смену, а мы должны были идти рыть щели: помогать взрослым. Колька обещал захватить лопату, а то моя сломалась, и я его ждал в нашей холодной, давно не топленной квартире.

Всё, что можно было, уже сожгли в буржуйке.

Осталось только кровать, один стул и стол.

Мама так исхудала, что на этом стуле мы помещались вдвоём, когда ели скудный ужин. Собирали драгоценные крошки хлеба со стола, боясь уронить, потерять мизерную порцию. Хотя мама получала рабочие карточки, постоянно хотелось есть.

Отцу я писал почти каждый день, надеясь, что мои письма он получает. От него пришло два письма, и их мама перечитывала, зная уже наизусть все о чём, там написано...

«У меня всё хорошо. Пишу Вам, мои дорогие, перед боем. Стоит такая тишина, порой не верится, что идёт война. Как Вы там? За меня не переживайте. Серёжа, береги маму и во всём ей помогай...» На этом письмо обрывалось, только внизу листка поставлена дата 21.09.1942.

По ночам я слышал, как плакала мама, уткнувшись в подушку, чтобы ненароком не разбудить меня. Я вставал с кровати, брал одеяло и укутывал маму, садясь с нею рядом. Мы сидели молча, но каждый из нас думал об отце.

Мне вспоминались обрывки его фраз, слова, походка, и, конечно, игры, в которые мы с ним играли...

Мимо окна прошла почтальон, тётя Люся, и мне показалось, она задержалась возле нашей калитки.

– Точно, идёт! Только бы с хорошей новостью! Пожалуйста, тётя Люся, – взмолился я.

Дверь открылась и тётя Люся вошла в дом.

– С плохой вестью к вам, с плохой, – сказала она и присела на стул.

– Серёжа! На, читай!

Она протянула казенный конверт серого цвета и тяжело вздохнула.

От этого конверта повеяло холодом, без того в холодной квартире, стало ещё холоднее.

– Этого не может быть! Понимаете, кроме него у мамы никого нет. Они детдомовские, – зачем-то сказал я.

– Маме скажешь сам? Или мне пригласить вашу соседку?

Не слушая её, я раскрыл конверт:

«Половцев Иван Сергеевич пропал без вести в районе Орла. В расположение роты не вернулся 21.12.1942 года» и подписи, но их я уже не видел: всё поплыло пред глазами, строчки становились то большими, то маленькими, потом вовсе пропали.

Очнулся я, на кровати, а со мной рядом сидела тётя Люся.

– Сердешный мой! Война, она для взрослых тяжела, а для вас, воробышков, страшное испытание. Попей воды! – она подала мне стакан с водой. Мне надо идти, Серёжа! Сейчас придёт соседка ваша – Ксюша. Ты лежи, не вставай, ладно? Ох, ты, господи! Горе – то, какое! Ещё четыре у меня таких.

Как тяжела эта работа: все только и думают, что я принесу в дом только горе да печаль – по щеке её скатилась слеза.

Я маме про «похоронку» не скажу! – вдруг сказал я.

– И вы ничего не говорите! Не было её, никто его мёртвым и убитым не видел. Никто, понимаете? Никто!

– Как же? Будем молчать? Потом ещё тяжелее будет оправдываться, лгать. Серёжа, ты не лгал никогда, а я ведь не обманывала никого, очень трудно этому научиться, сынок...

– Маме не скажем! Сердце у неё слабое. До войны сколько раз лежала в больнице, таблетки разные пила, уколы ей Ксюша ставила. Она не выдержит, эта бумага может убить её, – продолжал я.

В комнату вошла наша соседка Ксюша. Я хотел, было уже подняться, но ноги были как ватные, казалось, что я их не чувствую.

– Серёжа, я уже всё знаю! – подошла к кровати Ксюша. – Как только скажем Маринке? Ты то сам, что решил?

– Маме не скажем! Это я точно решил! Посмотри, что у меня с ногами! Встать не могу, пробую спустить их на пол, а не получается.

Ксюша работала в госпитале и сразу насторожилась, понимая, что это не просто так, – шутка.

Она сняла булавку с кофты, затем стянула тёплые штаны, кончиком булавки стала колоть ноги, начиная с пальцев. Иголки я не чувствовал совсем и боли тоже. Видя, как переглянулись женщины, я почему-то понял, что дело моё «швах».

– Ты совсем не чувствуешь боли? – ещё раз переспросила меня Ксюша.

– Нет... Это серьёзно? Когда все вернётся на свои места? – взволновано спросил я Ксюшу.

– Не знаю, каждый организм справляется по-своему. Может через день, неделю, а, может, – и замолчала.

– Что может? Договаривай Ксюша, – попросил я.

– Ты хочешь сказать, что я так и буду теперь лежать на этой кровати? А мама? Что мы ей скажем?

– Правду!.. – сказала Ксюша. Тебя завтра осмотрит наш врач. Не бойся он хороший доктор. А я буду делать то, что он тебе назначит.

– И «похоронку» покажем?

– Покажем!.. – тихо ответила мне Ксюша.

Тётя Люся заплакав, ушла из нашего дома.

Мама вернулась с завода только поздно ночью, всё это время со мной была Ксюша.

Врач приходил и тоже долго колдовал над моими ногами. Взгляд у него был такой же, как и у Ксюши напуганный. Из медицинских терминов, которыми изъяснялся он и Ксюша, я запомнил только один: «Парапарез обеих конечностей».

Мама, как села за стол, так и не поднималась долго-долго. Не один десяток раз она перечитала страшное послание. Сидела совсем отрешённая, не плакала, только раскачивалась на стуле из стороны в сторону.

Потом подошла к доктору и попросила сердечного лекарства.

– Мёртвым его не видели!.. – только и сказала она. – Буду ждать и надеяться.

... Только к весне я начал понемногу ходить. Сначала от одной спинки кровати к другой, затем к стулу.

Ксюша делала мне ежедневно массаж ног, колола какие-то уколы: всё это в совокупности дало свой положительный результат. Мой друг Колян принёс костыль его бабушки – передвигаться стало легче.

Ранним утром, когда мама собиралась на работу, в окно постучали. Отодвинув занавеску, она увидела человека в шинели. Не осознавая ещё, что это наш отец, она выбежала во двор. Со двора я слышал её крики и плач. Отец, обнимая маму одной рукой, зашёл с ней в веранду. Другой рукав у него был заправлен в карман шинели.

– Будет!! Будет!! – успокаивал он маму. – Правда, не совсем целый, но живой!

Я рванулся с кровати, упал прямо к отцовским ногам.– Забыл, что ноги мои ещё совсем плохо двигаются.

– Мы знали, что ты вернёшься! Мы верили!! Мы надеялись!! – хотелось сказать сразу очень много. Я торопился, проглатывая слова.

Отец присел на корточки, погладил меня по голове левой рукой.

– Примете?! – ещё раз спросил нас отец.

Мама опустилась перед ним на колени, обняла меня. Так нас и застала вошедшая в квартиру Ксюша...

***

Болото.

Расстреливали всех... Меня закрыл собой дед. И я оказался в самом низу, а на меня падали и падали расстрелянные жители нашей деревни.

Дождавшись, пока уйдут фашисты, решил, как выберусь, обязательно бежать. Искать партизан или переходить линию фронта, не зная того, что этой «линии фронта» давно не было, и никто не мог её определить.

Фашисты продвинулись слишком глубоко, сжигая на своём пути деревни, города, а самое страшное – детей, стариков, женщин.

Стараясь не смотреть на мёртвых, я пробрался через кусты и ничком упал на траву, закрыв лицо руками.

Через лес и плавни я должен пробираться обязательно на другую сторону к партизанам. «Только бы в болоте не потонуть! Через болото к островку. Там передохну», – поднимаясь, рассуждал я.

Болото с вязкой жижей, зеленой тиной всегда пугало нас, а теперь оно должно было стать моим спасением.

– Палку покрепше выбери! Да смотри куда ступаешь всегда ориентир держи на следующую кочку, – вспомнил я наказ деда. Но тогда дед был рядом и всегда мог направить на ту единственную спасительную кочку. – А сейчас?

– За что они ненавидят всех нас? Зачем убивают нас – жителей? Мы ведь не солдаты, – продолжал размышлять я. – Наверное я ничего не понимаю в войне, да и объяснить теперь некому.

Чувство горького одиночества охватило меня, даже не одиночество, а растерянности: «Что же делать дальше? Как жить-то теперь?»

Вопросы, вопросы не было им конца, главное никто не может мне на них ответить.

Рука и глаза методично делали свое дело.

Я нашел хорошую палку, главное крепкую, попробовал опереться на неё. Она выдержала мой вес. До вечера я должен пройти середину пути, а это значит, оказаться на островке.

В зеленой жиже осока обрамляла болото.

– Трудно будет, за осоку хватайся. Она крепкая всегда человеку поможет, корень далеко в земле или в воде, – вспомнил я, как наставлял меня дед.

Так я и сделал. В одной руке палка, ей прощупывая дно, а сам схватился за осоку.

Жижа чавкала и засасывала мои ноги, вытаскивать их становилось всё труднее и труднее. Старался направо не смотреть, там чернели дыры, смертельные дыры, в которые если попадешь, то никогда не вернешься. Прошлым летом нашего соседа дядю Колю затянуло болото, искать было бесполезно, да и никто из наших не рискнул.

Ботинок остался в вязком иле, я, не удержав равновесия упал и, сразу же погрузился в темную жижу. Стало очень страшно, казалось, что кто-то тянет меня вниз.

– «Бороться, бороться! На одном месте не стой, внучек!» – предупредительно всплыли слова деда

«Шаг вправо: нельзя! Вперед, только вперед!» – командовал я сам себе. Схватившись за осоку, я вскрикнул от боли: лист её порезал мою ладонь. Но отдергивать не стал. Отпустить осоку – совсем затянет. Шевелить ногами, прикладывая как можно больше усилий.

Наконец, вытащив одну ногу, я упал на кочку совершенно без сил. Но, крепко-крепко держа спасительную осоку, попытался встать. Второй ботинок остался в темной зеленой жиже. До

островка было ещё далеко. Холодная болотная вода пронзила ноги. Взглянул на руку: в порезах скопилась сукровица и рука нестерпимо болела, но перевязывать не было времени.

Перескакивая с кочки на кочку, я почти не чувствовал ног – они замёрзли.

Вдруг, справа от меня, из глубины болота выплеснулся небольшой столб воды.

– Потревожил я тебя, чудище болотное! Но я не боюсь тебя! – воскрикнул я.

– Знаю, дед рассказывал: так болотный газ выходит.

И опять мне пришлось применить все свое старание и усилие: до очередной кочки было далеко.

Слегкой прощупал дно. Палка почти вся ушла, захватив мою руку: значит здесь глубоко. Лег на живот, постарался вплавь проплыть этот участок болота, но на середине неожиданно ноги свело судорогой. И я стал чувствовать, что сейчас утону.

Рукой разминал икру ноги, кричал от боли, а что делать? Спасти себя сможешь только сам.

– А, зараза! Все равно не сдамся! Нет! – кричал я на всё болото, захлебываясь от воды и ила, барахтаясь в болоте. Но к моему счастью я сумел справиться с судорогой. Совсем обессиленный, мокрый, замерзший добрался до следующей кочки.

– Так просто меня не возьмешь! – оглядываясь на страшную темную воду, сказал я. Палка моя осталась там, в этом промежутке, и добраться до неё значило: вернуться назад, либо идти дальше уже без неё.

Стало страшно. Меня всего трясло от холода, невероятно болела порезанная рука, ныло все тело.

«Назад никогда не возвращайся, внучек! Запомни, на болоте дорога только вперед, попятись: точно засосет, затащит к себе уж навсегда!» – слышался голос деда. – Значит вперед! Но как? Сил нет и не будет! – сказал я, оглядываясь вокруг, – Подходящего тоже ничего нет!

Схватившись опять за осоку, крепко держа её в руке – перешагнул.

Но опять я упал: оказалась яма и я почти весь погрузился, вдоволь нахлебавшись грязи и воды.

– Помогите! – отчаянно закричал я, размахивая руками, но помощи ждать было бесполезно.

– Работай руками и ногами, не стой, не стой внучек! – вспомнились слова деда.

В этой яме я барахтался довольно долго, и, наконец, когда почувствовал под ногами дно, вздохнул свободно. Подтянувшись, забрался на очередную кочку.

– Слышите, я сильнее вас! Я смогу, смогу! Смогу! – прокричал, осматривая весь свой пройденный путь. Меня била дрожь, зубы стучали от холода, одежда давно промокла, ноги совсем не слушались.

– Надо согреться хоть капельку, – подумав, начал махать из стороны в сторону руками, но тот час от слабости закружилась голова и перед глазами поплыли какие-то фиолетовые круги: пришлось крепче схватиться за осоку, чтобы опять не булькнуть в эту страшную яму.

Сил не было совершенно, но успокаивало то, что вдали показался заветный остров: там конец проклятому болоту, а значит, возможность встретить своих, либо партизан.

– Чего расселся? – скомандовал я себе. – Вставай! Вставай!

Я продолжил движение...

Спустившись к очередной тёмной дыре: осторожно вошёл в воду, но вдруг ногу мою пронзила адская боль, которую просто невозможно было терпеть.

– А-А-А-А!!! – закричал я, что было сил.

Вытащив ногу, увидел, как в неё вошёл сучок от коряги.

Плача и размазывая слёзы по лицу, попытался освободить ногу. Рванул так, что потемнело в глазах, из моей пятки хлынула кровь.

– Да, что же это за напасть? Только этого ещё не хватало!? Никакой сухой тряпки нет. Придётся рвать рубашку.

Кое-как перебинтовал ногу. Слёзы просто уже лились рекой, но идти надо: за островом спасение...

Через некоторое время, почти в полуобморочном состоянии мне почудились чьи-то голоса. Было уже всё равно: немцы это или наши...

А голоса всё приближались и приближались, становились всё отчётливее и отчётливее.

– Левее держите! Левее! Вправо не смейте! Если хотите живыми остаться!!

Собрав все свои силы, я замахал руками, закричал, скорее всего, захрипел...

– Смотрите, мальчишка!! Как же ты попал сюда!? – увидев меня, сказал тот, кто остерегал всех от беды. – Это был проводник...

... В партизанском лазарете я пролежал долгих четыре месяца. Меня лечили, кормили, вообще, ставили на ноги. Но когда я увидел свои волосы в зеркало: они стали белыми. С тех пор и кличку получил «Седой» – в свои-то десять лет.

***

Богатырь.

Все куда то бежали ... Когда фашистские самолёты улетали мы опять бежали дальше.

Мама несла меня на руках ... Сама осознавала, что ей очень тяжело, но расстаться не могла. « Если расцеплю руки – обязательно убьют!» – думала я, и крепче держалась за борт маминого плаща. Бомбы падали и вслед за нами, оставались лежать на асфальте дети, их матери и старики.

– Помогите! Помогите, люди добрые! – кричала женщина.

Мама и я остановились возле неё.

– У меня начинаются роды, с ужасом сказала маме женщина. Идти больше не могу. Начались схватки.

Что такое схватки я не знала, но видел, как мучается и страдает эта женщина. Мне, ребёнку захотелось, во что бы то ни стало ей помочь.

– Мама, что надо делать? – спросила, встревожено я.

– Пока даже я не знаю, дочка! – Нужен врач или акушерка. В больницу надо, а здесь такое творится. Я к дежурному станции!

Должен же быть какой-то выход!! Оля, ты со мной, только быстро! – скомандовала мне мама. Женщина вдруг схватила маму за ноги, отчего она чуть не упала.

– Не уходите! Пропаду я и ребёнок! Прошу вас, останьтесь, – умоляла она нас.

– В чемодане я приготовила всё, что нужно для ребёнка. Разорвите пелёнки и простынь тоже. За доктором, наверное, уже поздно бежать. Да и где его теперь искать? Всех эвакуировали...

– Да вы правы, мы, видимо, последние, – ответила мама.

Нас стали обходить люди, но никто больше не останавливался.

– Олечка, ты всё-таки сбегай на вокзал, нужны горячая вода и ножницы. Кто попадётся тебе в форме: смело обращайся. Скажи, что женщина рожает и ей нужна помощь. Сейчас вся надежда на тебя, дочка! Беги, солнышко, беги!!

Я побежала. А рядом рвались и рвались бомбы.

– Скорее! Скорее! – подгоняла я себя. – Потом будешь отдыхать. Сейчас самое главное найти доктора или дяденьку в военной форме, в какой я видела папу, когда он приходил прощаться, перед отправкой на фронт.

На одной из дверей я прочитала « Комната матери и ребёнка».

Толкнула дверь, но она оказалась незапертой, в просторном помещении с выбитыми окнами никого не было. Кинулась к следующей двери: « Милиция». И я отчаянно, со всей силы стала стучать в дверь.

– Девочка, ты чего так стучишь? – спросил меня проходивший мимо человек, но одет он был не в форму, а в простой костюм. – Ты потерялась?

– Я вам не скажу. Мне нужен кто-нибудь в форме или врач! – посмотрев подозрительно на мужчину, ответила я.

– А что случилось? – продолжал расспрашивать меня этот человек в костюме.

– Вы всё равно не сможете мне помочь. Мне нужен врач!!! – настаивала я на своём.

– Врачей нет. Сама понимаешь – война! Сейчас я надену форменный пиджак и тогда ты мне обязательно должна сказать: « Зачем тебе врач?»

И он завёл меня в кабинет, где на стуле и правда висел синий форменный пиджак или китель.

– Там с мамой у поезда, где рельсы, лежит тётенька. И она рожает... – начала очень сбивчиво от волнения рассказывать ему я. – Мама у меня не врач. Нужна помощь!! Мама не знает как её спасти, а я ещё маленькая и тоже не знаю, как можно её спасти, и что в таких случаях надо делать...Мама сказала:

– Её надо в больницу. Пожалуйста, пойдёте побыстрее. Я знаю, где их оставила.

– Самое интересное и я не врач! Но веди, чем сможем, тем поможем! – сказал дяденька в синем пиджаке.

Быстро выбежав из помещения, мы побежали по перрону, именно, туда, где я оставила маму и тётеньку.

– Девочка, давай я возьму тебя на руки. Так будет быстрее!

Ещё издали я увидела маму. Она оттащила женщину ближе к скамейкам, подальше от рельс.

– Мама там! – указала я вперёд. – Поторопитесь, дяденька! Вы, что бегать не умеете?

От этих слов дяденька почему-то рассмеялся.

– Да и так уже быстро, спасительница!! Куда уж быстрее?

– Что у вас?– спросил он у мамы, подбегая и одновременно ставя меня на асфальт.

– Рожаем!!!

Ответила ему мама. Она разорвала свой плащ, под голову подстелила женщине свою кофту.

– Спасите! Это всё, что останется от Василя... Василь погиб в первые дни войны на границе. Помогите! – и она опять сильно закричала.

– Врачей нет! Будем принимать роды сами. Я, правда, не видел, как это делается, но ведь нас теперь двое. Должны помочь ей вы и я: больше надеяться не на кого.

– Нужна горячая вода, нож или ножницы. Остальное я уже приготовила, – мама указала на разорванные пеленки.

– Дитя надо бы убрать. Негоже ей на этот кошмар смотреть, – заявил мужчина.

– Вот ещё!! Никуда я не пойду!! – категорически заявила я.

– Ни за что не пойдёт! Упрямая, вся в отца. Да и боится потеряться. Кругом, какой ад! – заступилась за меня мама.

– Сядь к нам спиной на другую лавочку, дочка! Пожалуйста!

К сожалению, я больше ничего не видела. Не привыкла маму обманывать. Как она сказала, так я и сделала.

– Давайте переложим её на скамейку. Одной мне это трудно было сделать.

– У меня всегда с собой перочинный нож. Подойдёт? – спросил маму незнакомый мужчина.

– Я составителем поездов был до войны. А Вы?

– Я – музыкант. Скрипачка. Тоже очень далека от медицины.

– Ой, помогите, мамочка! – кричала женщина.

Она кричала так, что перекрикивала разрывы бомб и снарядов. По крайней мере, мне так казалось. Но я не повернулась, потому что обещала не смотреть в ту сторону.

Женщина кричала и кричала...

А потом вдруг я услышала слабый писк.

Так пищали котята только у бабушки за печкой в корзине.

– Всё хорошо! Всё хорошо! Молодец! Какого богатыря родила! – это говорила моя мама.

Богатырь заплакал громко и требовательно.

– Всё уже позади! Всё уже позади! Не плачьте, успокойтесь!! Радоваться надо! Мальчик родился, продолжатель рода! – целовала мама женщину.

Неожиданно я услышала голос той женщины: « Мужчина, вас как зовут?»

– Степан, – ответил тот.

– Сыночка назову в честь вас – Степаном. Спасибо вам всем за помощь.

Как странно всё соединилось: крик ребёнка, взрывы, кровь, грязь...

Степан Матвеевич отправил нас следующим поездом. Я видела этого богатыря: ничего особенного. Просто маленькая кукла и личико не белое, а красное...

***

Три сестры.

Нас было три сестры: Рэма, Майя и Кима. Имена странные, но так нас назвал отец, он был партийным работником.

В доме у нас было много книг с портретами Ленина и Сталина. И в первый же день войны мы закопали их в сарае.

Наша мама перестала улыбаться после ухода на фронт Ремы. От нее мы не получили ни одного письма. Она как ушла добровольцем двадцать третьего июня, так больше о ней ничего не было известно. В доме всё чаще и чаще по ночам был слышен плач мамы. Мы закрывались в своей комнате и тоже плакали, думая, что мама нас не слышит.

– Девочки! Не надо! Давайте раньше времени хоронить не будем! Жива она! Жива!

... Мама ходила по деревням под Минском: свои крепдешинные платья, платки на продукты. Мы с Майей ждали её, прислушиваясь ко всему: вернется или не вернется? Старались отвлечь друг друга от этих мыслей; вспоминали, как до войны ходили на озеро, как танцевали в школьной самодеятельности. Хорошей и такой далекой прошлая жизнь была.

– Кима, очень долго нет мамы. Когда вернется? Нет уже шесть часов, уж не случилось ли чего?

– Мама вернётся, – твердо и уверенно заявила моя сестра. – Прошлый раз почти два дня её не было, вспомни, Кима?

– С каждым разом задерживается и задерживается, – задумчиво ответила я сестре.

Мы ждали ещё три дня... Спать не ложились. На улицу не ходили, так велела нам мама. Есть хотелось невероятно, но мы

молчали и не разговаривали с сестрой ни о чём, потому что думы были только о маме.

– Девочки! – дверь открылась и вошла наша соседка Юлия Степановна. – Маму вашу забрали в комендатуру. Когда отпустят, не знаю. Просила за вами присмотреть да накормить. Я картошки сварила. Садитесь.

Мы как сидели молча, так и не двинулись.

– За что забрали? – спросила моя сестра, видя, как у меня покатались слезы.

– Не знаю девочки! Облава была. Она споткнулась, упала и её загнали, как и остальных, в комендатуру. Больше ничего не знаю...

Она сказала это как на одном дыхании, опустившись на нашу деревянную лавку.

– Мама! Мамочка! – заревела Кимка.

– Тихо! Не смей плакать! – прикрикнула я на сестру.

– Как Рему ждем, так и маму будем ждать... Будем надеяться, что её отпустят.

– Девочки, давайте я вас к себе заберу, – предложила соседка.

– Нет! Мы будем здесь, дома. Мама не велела нам выходить на улицу без неё. Вдруг вернётся, а нас нет? Что тогда подумает? – отказались мы.

Ещё несколько дней прошли в ожидании. Остался последний кусочек хлеба, его мы берегли, если вернётся мама.

Сестра от голода ослабла, да и маленькая она была ещё совсем. Ночью проснётся, лежит и смотрит в темноту, молчит, а я вижу, как она переживает и страдает.

Юлия Степановна сегодня опять пошла менять вещи на продукты. Зашла к нам.

– Что у вас есть ещё поменять, девочки?

– Не знаю, – ответила я ей, открывая мамин шкаф, в котором остались висеть только пустые плечики. – Наверное, уже ничего нет. Остались только сорочки и нижнее бельё.

– Кима! – у порога стояла Майя. – Возьми мою шубку... или эту игрушку. Мне не нужна кукла, мне нужна мама. Я успела её подхватить: сестра упала в голодный обморок.

– Плохо дело! – осмотрела её наша соседка. – Она ещё и простыла. Температура. Дай ка, градусник!

– Температура, действительно, есть. Горит вся!

Когда замерили ей температуру, страшно испугались: почти сорок...

– Где она умудрилась простыть? Мы ведь на улицу не выходили? Хотя в доме давно не топлено. Всё, что было, уже сожгли. Запасы дров всегда делала мама.

– Дрова у вас где? На улице, за сараем?– спросила соседка.

– У нас и спичек нет. Спички и соль должна была принести тоже мама.

Соседка принесла дров, разожгла печь. Но тепла не было: дрова были сыроватые. И совсем не скоро почувствовалось тепло в кухне.

– Согреем воды. Сейчас принесу шиповник, жаль, малины нет. Дай её мне! – и она протянула руки к Майе.

– Что же ты, моя родная?! Не выдержал организм, сдался. На Катю как похожа!

– Мама всегда говорила, что мы с Ремой похожи, а Майя – мамина, – прошептала я.

– Все вы мамины и папины. Жаль, что их нет рядом с вами. От Ремы так и ничего нет?

– Нет! По ночам слышу, как мама плачет, а что я могу сделать? Остается только ждать!

– Ждите! Вера она и спасает, и сохраняет. Малышка уснула. Пойду, переложу в кровать.

Но как только Юлия Степановна поднялась, Майя проснулась, обняла её за шею.

– Мама! Мамочка! – сказала она и заплакала.

– Я здесь, успокойся, доченька! – нежно ответила ей соседка. А мне объяснила: «Пока придётся так. Будем обманывать. Сейчас ей это нужнее!»

– Она всегда с мамой в кровати лежала, пока не уснёт. Ложитесь, – предложила я соседке.

– Хорошо, – тихо ответила мне она, смахнув слезу.

Майя умерла на десятый день... Маму так и не дождалась... Меня взяла к себе соседка Юлия Степановна. Жила я теперь у неё, потому что в нашем доме мне всё напоминало о маме и сестрах, окна и двери мы с ней заколотили длинными жердями.

В победном сорок пятом вернулась из концлагеря моя старшая сестра, но в свой дом мы так и не вернулись; ни она, не я не смогли переступить порог родного дома, в котором не слышался звонкий смех Майи, не ощущалось тепла от маминой улыбки...

И никто не сможет нам вернуть того, чего невозможно вернуть из-за черного дыма войны...

Саша.

Когда мы играли с мальчишками в палочки - постукалочки, во двор въехала большая машина.

Сразу же из неё выскочили немецкие солдаты, стали нас ловить и бросать в кузов под брезент.

– Куда нас? – спросил меня Саша.

Я взглянул на него: он был самый маленький среди нас – ему вчера исполнилось только семь лет. До войны мы все его оберегали, зная, что у него какая-то неизлечимая болезнь.

Он падал в обморок: прямо тут же в песочнице. Сначала мы все пугались, но его мама объяснила нам, что нужно при этом делать и как нужно спасать его. А в остальном, он был самым обыкновенным ребёнком.

– Слышь, Вань! Почему грузят только маленьких детей, а взрослых нет? – опять у нас спросил Саша.

– Пока ничего сам не могу понять. Одно только ясно, повезут куда-то далеко.

Наконец брезент с машины сняли и мы все зажмурились от яркого света.

Станция... Машина задом подошла к вагону и нас, всех побросали в вагон, словно какие-то мешки.

– Я к маме хочу! – заплакал Саша. – Когда они нас отпустят? Вань? А Вань?

– Не хнычь! Все хотят к мамам и всем сейчас нелегко...

– Да, я знаю, – ответил мне Саша, всхлипывая.

Вагон набили так, что первое время мы могли только стоять. Взрослых среди нас, действительно, не было. Были только дети и подростки. Три дня и три ночи везли с закрытыми дверями, мы ничего не видели, не слышали, а колёса всё стучали и стучали. Тревога за родных и близких усиливались.

Днём, когда ещё как-то свет пробивался через щели и окна вагона, а ночью становилось так страшно, что все мы плакали. Нас куда-то далеко везут! Родители даже не знают где мы?

– Мама, наверно, умрёт без меня, – проговорил Саша. – Она всегда так говорила: « Если что с тобой случится, я умру от горя ».

Те кто постарше, стали ногами стучать в пол вагона, в надежде пробить дырки, а потом и получить возможность

убежать. Но вагон попался крепкий и пробить пол было почти невозможно.

– Эх, сюда бы нож или топор! – сказал Игорь. – Тогда бы мы все убежали, точно!! Но где их взять?

Только на четвёртый день дверь вагона открылась и немецкий солдат, ругаясь, бросил в вагон несколько буханок хлеба.

– Хлеб только маленьким! – успел скомандовать я. – Стоять!!! Стоять!!! Сначала маленьким, а потом всем остальным.

Мой окрик подействовал. Все расступились перед лежащими буханками хлеба.

– Выталкивайте вперёд тех, кому нет ещё десяти, – скомандовал я.

Таких набралось восемь человек.

Несколько десятков глаз смотрело за мной, когда я делил хлеб.

– Мне совсем мало досталось!

– И мне не поровну!

– Тихо! Замолчали все! Ножа нет, поэтому как ровно разделить? – оправдывался я.

С пола вагона собрали все крошки, мне достался маленький кусочек.

– Вань, мне мама каждый день таблетки давала, без них мне нельзя. Мама всегда строго по часам следила, а теперь как? – спросил он меня.

– Не знаю, Саша! Ничего я не знаю! Ничего! – отвернувшись от него, чтобы Саша не видел мои слёзы, я попытался его успокоить:

– Сейчас довезут до какой-нибудь станции, а там наши мамы, а что и такое бывает.

– Ты сам-то веришь в то, что говоришь? – тихо спросил меня Саша.

– Да, врать, я ещё научился. Оказывается, так тяжело врать.

Уже не помню, какие это были сутки в дороге, состав начали бомбить.

– Сейчас ещё не хватало от своих же бомб и снарядов погибнуть. А ведь это спасение! Немцы потеряют бдительность, а мы сможем убежать, верно, ребята?

– Саше плохо! – крикнули все разом.

Когда мы подбежали к нему, он перестал дышать и закатил глаза, бледное лицо, почти синюшнее лицо.

– Нужен сахар! Сахар! Или, чего-нибудь сладкое! Ой, мама, мамочка как же страшно!!! – закричал я, закрыв лицо руками.

– Мы не сможем ему помочь! Что же делать?

С первых минут, как нас начали бомбить мы взялись за руки, поддерживая друг друга. Только Саша лежал в середине.

Вдруг нашу крышу сорвало, и вагон загорелся.

– Пацаны, горим!!! Надо выбраться отсюда, пока всё не сгорело! Поезд остановился. Я уверен, что немцы, как крысы разбежались! Значит, есть возможность спастись кому-либо из нас. Первыми будут выбираться постарше, малышом подавать по одному и сразу бежать подальше от этой железки.

– Всё всем понятно? Начали!

Старшие подавали младших, последнего подали Сашу, он всё ещё был без сознания.

– Держите, Сашу, держите! Только осторожно!! – кричал я кому-то наверх.

Сам выбрался последний из вагона. Местность совсем незнакомая. Кругом сплошные леса.

В лесу было темно и мы все попрятались в кустах, наблюдая, как горит вагон. А горел он одним большим факелом, костром.

Немцы разбежались... Остаться здесь, в лесу, было опасно, поэтому решили выйти хоть к какой-нибудь деревне. Шли всю ночь. Малышом несли на руках, а я ни на минуту не отпускал Сашу.

По дороге попадались сгоревшие деревни, обугленные дома с белыми печами.

Очень хотелось очень есть. Попадалась крапива – ели крапиву, ромашку, зверобой. К вечеру опять наткнулись на очередное пожарище, но всё равно продолжали и продолжали двигаться вперёд, хотя останавливались всё чаще и чаще.

Силы были на исходе, малыши плакали. Саша практически не подавал никаких признаков жизни. Только по тому, что он был тёплый, а не как покойник холодный, я определял, что он был ещё жив.

– Привал! – скомандовал я. – Малыши все в кучу. Старшие все за мной! Наломаем лапника, веток, соорудим для них шалаши и постели! Будем укладываться спать...

Все послушались меня. Наши малыши- воробушки окружили Сашу и остались нас ждать.

– Только вы давайте быстрее! Очень страшно в лесу нам без вас! – крикнула Варя. – Меня дедушка никогда одну не оставлял, даже в комнате, а тут лес!!

– Ничего не бойтесь! Слышите, ничего! Мы будем рядом! – успокаивал я малышей.

Когда мы дружно ломали ветки сосен, вдруг услышали сначала крик, а потом плач, дружный плач.

– Это наши! За мной! Это наши ревут!!!

Мы все рванулись к тому месту, где оставили малышей. Бежали, не разбирая дороги, ветки сосен хлестали нас по щекам, но боли не чувствовали совсем.

– Что случилось? – спросили мы, запыхавшись, у малышей.

– Саша! Он умер... Не пьёт воды и холодный! Мне мама говорила, что наша бабушка умерла и стала холодная.

Я бросился к нему, приподнял голову, но она упала безжизненно на моё колено.

Малыши плакали. Всю ночь я просидел над ним, ждал утра.

– Утром выроем ямочку и его похороним, – сказал всем.

– Надо будет его маме показать это место...

– Да разве запомнишь? Всё вокруг совсем незнакомое!!

Могилку копали все. Утром похоронили Сашу, вбив в могильный холмик ветку от берёзы. Постояли у могилки, как полагается, помолчали...

Я снял с себя рубашку, завязал её на палку, словно рушник.

Дальше опять дорога. Вышли все на протоптанную тропу, по ней и пошли, поддерживая друг друга.

Совсем обессиленных нас нашли партизаны. Как потом выяснилось: от своего города нас увезли за три тысячи километров, в Витебскую область.

Шёл тысяча девятьсот сорок третий год...

***

Светка

Нас – детей, отлавливали немцы по всему городу, потом увозили в мединститут, где немного откармливали и брали кровь для раненых немцев.

Глухое здание, до войны не привлекавшее своей серостью никого, теперь стало страшным адом, в котором часть из нас умирала, часть увозили куда-то, неизвестно только куда.

Мы со Светкой давно беспризорничали. Родители – отцы были, но, конечно же, воевали, а матери погибли в горящем доме. В чём успели выбежать, то на нас и осталось. Одежда давно приобрела вид лохмотьев. Всегда хотелось, есть: утром шли по помойкам, если попадалась шкурка от селедки – был праздник, картофельные очистки ели сырыми.

В этот день, переночевав в развалинах дома, мы опять отправились на поиски еды.

– Сегодня пойдем возле мединститута, – сказала Светка. – Опасно? Знаю, что опасно, но там есть чем поживиться: раненых они кормят.

Я согласилась на всё, хотя во мне протестовал мой внутренний голос: «Не ходи, опасно!». Но отказаться от маленькой корочки хлеба была не в силах.

– Светка, как только увидим опасность, убежим! – напутствовала я подругу.

– Понятное дело, ждать не будем, когда нас схватят. На прошлой неделе двоих девчонок увезли в мединститут.

Странно, до войны в нём преподавал мой папа. А сейчас ничего не осталось: ни дома нет, ни мамы, ни папы. И в мединституте теперь лечат немцев, не наших солдат, а немцев...

– Оля, о чем ты думаешь? – толкнула меня Светка. – Думай, не думай, всё равно придется идти искать еду, пока её не нашли другие. Пойдем!

И она потянула меня за руку по направлению к медицинскому институту.

До войны ноги сами меня несли на работу к папе: любила посидеть в просторных классах, смотрела на всякие медицинские препараты в музее, а уж дорогу на третий этаж знала и могла найти дверь кабинета отца вслепую. А сейчас, чем ближе мы подходили со двора к этому серому зданию, тем страшнее и тревожнее становилось нам.

Но желание хоть что-то найти съестного было сильнее страха.

– Найти бы сейчас хоть немного картофельных очисток или хоть маленькую корочку хлеба! – А если бы нашла целую булку? – спросила я у подруги. – Что бы делала?

– Ты знаешь? – она задумалась. – Я бы разделила её на маленькие кусочки и всех беспризорников накормила. Так меня учила мама: всегда и всё делить поровну. – Ты имеешь в виду тот детприёмник, который окружён колючей проволокой? На всех не хватило бы всё равно. Сейчас наша с тобой цель – помойка.

– А помнишь, как нас с тобой поймал какой-то дяденька? Мы даже имени его не спросили.

– Помню. Он словил тебя, а ты стала проситься:

– Дяденька, я больше не буду, отпустите меня.

Он тогда спросил:

– Ты чья?– Помнишь? А ты ещё ответила:

– Ничья, совсем ничья.

– Он повёл нас к себе домой и накормил. В доме у него была только картошка. Сварил для нас целую кастрюлю картошки.

– А потом мы испугались, что это был, наверняка, немец и удрали от него.

– Когда у других нет картошки? Откуда она у него взялась? Конечно, он был фашист, – продолжала рассуждать Светка.

...Чьи-то крепкие руки вдруг схватили нас обеих сразу. Мы кричали, вырывались. За разговорами не заметили опасность. Нас, вырывающихся и орущих, погрузили в машину. Мы кусались, плакали, но, увы, это делу не помогло.

И привезли в серое здание мединститута – в немецкий госпиталь. Закрыли за нами тяжелые двери, на окнах ставни, на полу кровь и таких же, как мы, человек десять.

– Разболтались, дуручки! Сами же себе навредили. Как теперь будем выбираться?

– Бежать надо, но как? Ни ты, ни я, ни они этого не знают? – я указала рукой на детей.

Они были все разного возраста. Среди них были и совсем маленькие, может, годика три или два. Они то затихали, то начинали плакать, кричать снова. Кто не мог кричать, уже просто хрипел.

– Давно вы здесь? – спросила Светка девочку лет пяти – шести.

– Давно, нас вчера поймали. Только вы не плачьте. Сказали, что «врачи» нас всех будут лечить. Мы все больные, – объяснила она нам.

– Попали!– Не знаю?! Разве можно их одолеть?– Будем пытаться. Говорят, они сначала откармливают, а потом берут кровь, тогда она жирнее бывает. Я так слышала, – ответила мне Светка.

– Вам кушать дают? – оглянувшись, спросила Светка у девочки.

– Кого уводят, то дают. А нам ещё ничего не давали.– Слышите, идут!

И она закрыла собой маленькую девочку, по-видимому, свою сестру, прикрикнув на неё:

– Тише! И чтоб я не слышала от тебя ни звука. Спрячься в дальний угол, туда, где совсем темно. Не бойся, я с тобой!– Возьмите четыре человека.

– Тех, что привезли сегодня?

– Давайте

Дверь запахнулась и на нас смотрел немец, одетый в белый халат.

Халат у него был не такой чистый, даже грязный, значит он не доктор.

– Доктора не носят такие грязные халаты! – шепнула я Светке

– Ты и ты, – указал немец на нас. – Пойдём со мной. Скорее, скорее пойдем! Я дам вам хороший шоколад.

– Врёт! Нет у него шоколада. Если сейчас подойдет ко мне – укушу, – подумала я. Немец рванул меня за руку, боль пронзила всю руку. Я закричала. За мной испуганно закричала Светка.

Она разбежалась и стукнула головой ниже пояса немца. Он вдруг весь обмяк и упал, только и вскрикнул:

– Ох!

Светка опять ударила туда же ногой. Немец вообще скрючился.

– Бежим! Бежим! Те, кто мог бежать, побежали за нами, на ходу хватая своих братьев и сестер. Мы проталкивались в дверь, мешая друг другу, торопясь успеть. И успели.

Выбежали со Светкой на улицу, и помчались в разные стороны, чтобы нас не поймали. Смелость Светки поразила меня.

Послышались сзади автоматные очереди. Из автомата стреляли в здании госпиталя. Немного отдышавшись, мы поняли – стреляли по детям, которые не смогли убежать вместе со всеми. Их расстреляли там же в госпитале. Спаслось нас четверо.

Наташа и её маленькая сестра Вера, которая сидела у неё в рюкзаке за спиной, бежали вместе с нами.

– Куда теперь? – спросила я у Светки, безоговорочно подчиняясь теперь ей. Она стала у нас за «главного», за «командира»

– Будем уходить из города. Попробуем в какую-нибудь деревню. Должен же нас кто-то приютить.

Так и сделали. Днём прятались в развалинах, а ночью шли попеременно несли маленькую Веру, помогая Наташе.

...Нас приютила у себя старенькая бабушка на самой окраине села, дом её последний в ряду. Выходили из сарая только ночью, днём не показывались. Трудно жили. Баба Стася берегла нас, как могла и сберегла.

О том, что в деревню пришли «наши», я узнала последняя. Мы прожили у бабы Стаси четыре года!

Все кричали: «Ура! Ура! Наши! Наши!»

Как увидела первого солдата, так и прилипла к нему, а с другой стороны моя подруга Светка. Мы плакали, отчего гимнастерка его стала, мокрая-премокрая...так мы его все обнимали, целовали и он, не стесняясь, плакал, обняв нас.

Юлик

Мать мою, Изольду Шрапер, расстреляли немцы в первый же день, как только начались облавы на евреев, а меня спрятала соседка. Сначала я прятался в погребе, но, когда немцы стали обходить дома в поисках детей из семей евреев, оставаться в нём стало небезопасно.

– Юлий! Сегодня ночью тебе надо переправиться через Буг. Извини, но я могу подвергнуться опасности, – виновато проговорили тётя Юля, не поднимая на меня глаз. – Попробуй на коряге перебраться на тот берег. Выйди к лесу, а там знаешь, где живёт лесник. Он спрячет тебя, я с ним уже связалась. Продукты и вещи тебе соберу. Прости!

– Да что Вы! Я сам понимаю, сколько тревожных минут Вы пережили, пока меня прятали. Спасибо за заботу

– После скажешь спасибо! Вот доберешься до Антона и тогда помянешь меня добрым словом, – ответила мне тетя Юля

До войны мы жили соседями, двор в двор. Мы, ребятня, часто обедали то у нас, то у тети Юли. Наших отцов призвали на войну в один день. Моего отца взяли переводчиком, он хорошо говорил и знал немецкий. А Юркин отец направлялся водителем. Мы провожали, их и было такое чувство, что больше уже никогда не увидимся

– Берегите друг друга. Мамкам помогайте! – сказали почти в один голос наши отцы.

Что у тети Юли, что у нас было в семье по одному ребенку. Нам в феврале должно исполниться двенадцать, и мы старшие среди всей остальной малышни. Сенька побежал искать для меня приличную корягу. По берегу реки достаточно сушняка и выбрать дерево-плот не составило труда, однако, перетащить его

не так-то было просто. Почти час я тащил корягу, весь взмок и страшно устал, но был доволен тем, что выбрал.

Вернувшись, домой, я увидел в доме полицаев.

– Где твой шельмец? Они всегда вместе. Он и Юлик.

– Юлий ушел в город к тете Зине. У нас его нет.

– Что врешь? Муха не проскочит через кордоны. Давно никого в городке не пропускали, только по аусвайсам.

Я вошел на веранду.

– А, щенок, твой венулся? Где прячешь? Найдем, хуже будет! Говори!

– Юлий ушел в город, к тетке, – спокойно ответил я, повторяя один в один рассказ матери. – Мы его больше не видели, вот тебе крест, – и я, не зная, как даже креститься – перекрестился.

Полицай ударил меня, из носа сразу потекла кровь.

– Вспомнил? Сейчас так разукрашу, что мать родная не узнает.

– Трофим, все так и было, как говорим! Не тронь дитя. Если он появиться сообщим тебе или Игнату, – закрывая меня, сказала мама. – Молчать не станем.

Видимо он поверил словам моей матери, выходя из дома, опрокинул ведро с водой.

– Понаставили тут! Дайте пройти!

Ведро стояло там, где был у нас погреб. У меня все похолодело внутри, но полицай пнул ещё раз ведро и прошел по мокрому половику к выходу.

– Подержи пса, а то пристрелю! – крикнул мне полицай.

– Хорошо! Я сейчас! – почти бегом я бросился к Биму, держа его за цепь. Пес рычал и скалился.

– У, тварь, пристрелю! – злобно сказал полицай, но собаку не тронул, выйдя со двора, громко хлопнул калиткой.

– Сеня, я здесь, – услышал я голос Юлика. – В будке!

– Юлик, они везде ищут евреев. Всё для побега я тебе приготовил. Пока не вылезай, к соседям они пошли, – смотря в сторону уходящих полицаев, ответил я ему. – Как стемнеет, проберемся по бахчам к реке. Пока сиди и не высовывайся!

Через полчаса полицаи вернулись. Мама только поставила на стол чугунок с вареной картошкой и мы собирались обедать.

– Кто-то опять к нам! – с тревогой сказала мама. – Опять ироды идут! Только почему-то и соседка с ними.

Дверь открыли так, что она слетела с петель

– Да у Юли я его видела вчера! Говорю, что это он был – Юлик! Мне, врать не за чем.

– Опомнись, Мария, нет его у нас! Это вчера Сеня воду с колодца мне таскал.

– Воду говоришь? А ну показывай, где колодец! Найду, пристрелю и тебя и щенка твоего! Я предупреждал!

– Нет его у меня Трофим. Ищи! А колодец, вон он в конце огорода. Иди, проверяй!

– Стыдно Мария! То Сенька был!

– Может, я сослепу не доглядела, – стала оправдываться тетка Мария.

Сеньку и тетю Юлию повели к колодцу, а я всё это наблюдал из собачьей будки, ещё больше вжимаясь в её стенки.

– Показывай! Вот, выродок! Гоняйся теперь за ним! – ворчал полицай.

Обойдя колодец и убедившись, что внутри него никто не прятался, полицай, подталкивая тетю Юлю, Сеньку и тетку Марию вернулся в дом. Что он говорил, было слышно плохо. Но я видел, как тётя Юля выносит всю постель, подушки. Значит, в доме ищут.

– В погребе и за печкой посмотрите, – услышал я голос тетки Марии.

– Сволочь! Жаль, что до войны её огород не грабили, подсолнухи надо было у неё срезать, – зло подумал я.

Слышен был звон битого стекла. Это прикладом Трофим разбивал стёкла в доме.

– Правда, нет! Жарко! Устал я с вами! Мальчишка и впрямь давно в городе. Чего его здесь искать?

По воздуху летало перо из разрезанной перины, валялись подушки с одеялом. Бим залез в будку, прикрыв меня, точно зная, что меня ищут. Умные его собачьи глаза смотрели на меня не злобно, а как-то с жалостью.

– Бим, сидеть! А то тебя этот изверг обещал пристрелить, – шептал я ему почти в ухо.

– Заразы! Ищи их теперь! – ругался полицай. – Нет его в доме, ушел! Ушел, злодей! Завтра с меня три шкуры сдерут. Но я тебя все равно поймаю, Слово даю! Пойдём, Мария, покормишь меня! – обратился он к тётке Марии

Они ушли. Долго не приходил Сенька.

– Я матери помогал в доме прибирать. Тебе картошки принес. Темнеет уже. Думаю, сегодня они уже больше к нам не

придут. Уходить тебе надо, Юлик, пока ещё какая-нибудь «сердобольная» тётя не объявилась.

– Я ей этого никогда не прощу, – тихо ответил мне Юлик.

Как только первые звёзды показались на небе, и жара сменилась вечерней прохладой, мы крадучись с Юликом покинули его убежище, потрепав благодарно за ухо Бима. – Собака оказалась лучше людей! – сказал Юлик, смотря на Бимкину будку.

Благополучно перебежали два огорода, бахчу и оказались у реки. Моя коряга понравилась Юлику. Нагретая за знойный день вода была приятно тёплой.

– Юлик, прощай! Может, свидимся! – тихо сказал я, остерегаясь и смотря по сторонам

– Спасибо! – ответил Юлик.

Коряга поплыла, а вместе с ней и Юлик, до берега он добрался без приключений. Спрятавшись в кустах, я видел, как он бросил корягу у откоса, а сам скрылся в темноте. Очень хотелось бы, чтобы мой друг выжил, и ничего с ним в дороге не случилось.

Мы встретились только через четыре года. Все это время Юлик был у партизан. А я не раз пробирался в отряды с донесениями. Придя в отряд, я отдыхал у костра. Вдруг кто-то закрыл мне глаза руками, затем развернул меня к себе.

– Сенька, друг! – закричал он.

Это был Юлик! Друг мой, Юлик!

***

Тамара и Валичек

В нашем детском доме собралось пять Тамар, почти одинакового возраста. Фамилии у нас были: Тамара Безымянная, Тамара Маленькая, Тамара Большая, Тамара Незнакомая, Тамара Неизвестная. Все нас доставили в этот детский дом с разных уголков страны, но у всех было одинаковое прошлое: никого не осталось, бомбёжка, поезд и Казахстан.

Нас никогда не ругали, не обижали, называя ласково: «Сиротки». Мы мало, что помнили из довоенной жизни, казалось, что война просто перечёркнула страничку памяти и вписала в неё свою страницу истории. У каждой из нас была своя память и своя история.

– Девочки, давайте поиграем в «маму», – предлагала я, и все со мной соглашались.

Мы купали нашу дочку, тряпичную куклу, рассказывали ей сказки про «Курочку – рябу», придумывали песенки, варили обеды. Все заботились об единственной дочери, как только могли. – Купим ей в магазине мармелад? – спрашивала я у моих подруг и мы дружно становились в очередь, разговаривая между собой, рассказывая, что сегодня делала наша общая дочь «Наташа».

– Как спала? – спрашивала одна из нас, а другая ей отвечала: «Неплохо».

– Не болеет. – Нет! Просто настроение плохое. Не беспокойтесь.

За нашими играми наблюдала воспитательница с красивым именем Алия. А отчество её мы запомнить не могли, оно было сложное и совсем не выговаривалось. Алия не обижалась, обнимала нас, поочередно качала нас на одной ноге, подкидывая вверх и держала за руки. Это было сверх блаженства. Я училась хорошо. За первый класс у меня одной из Тамар были все пятерки.

Однажды меня Алия попросила позаниматься с одним мальчиком, но жил он в семье. И мне сделалось страшно. Как я приду к ним? У него есть папа и мама, у него есть дом, а у меня нет.

– Мне страшно Алия туда идти! – усевшись на колени к ней, прошептала я. – У них я не знаю как себя вести, что делать? Где разуваться? Можно ли трогать вещи?

– Сколько сразу вопросов, Тамара.

Но я не дослушала Алию.

– Семья – это не детский дом! Это что-то такое, куда нельзя ходить...

– Почему? У него хорошая семья. Он потерялся, когда его везли сюда в Казахстан. Его усыновила эта семья.

– У меня тоже был брат, – сказала я, но помню только его светлые волосы и черные глаза. Мама всегда говорила «черные, как смородинка». А у меня голубые, но мы с ним, наверное, похожи, потому что брат и сестра.

– Он был старше тебя или младше?

– Он, такой как я, только чуть-чуть старше и ростом выше меня

После него я донашивала сандалики и беленькие маечки. Только больше ничего не помню.

– Ты всё вспомнишь, Тamarочка, вот увидишь, всё вспомнишь. Не переживай!

– Нет! – категорически ответила я. – Все всё помнят: как когозовут? Кто мама и папа? Где жила? А я ничего. Так разве бывает? Хоть что-то должна была я запомнить...

– Ты многое вспомнила, Тamarочка. Поверь, это дело времени.

– Вы меня не обманываете?

– Я не привыкла лгать, – ответила Алия.

Всю ночь мне снился один и тот же сон. Двери, двери, за ними люди и я, вхожу, в эти двери, но никто не обращает на меня никого внимания.

Закончились уроки и Алия, взяв крепко меня за руку, повела по коридору к шкафчикам с одеждой.

– Одевайся, нас уже ждут, – сказала она мне.

Натягивая шапку и завязывая шарф, я всё еще надеялась, что никуда не пойду

– Смелее! Учишься ты хорошо! Так помоги понять материал другому. Пойдем. Мы шли по заснеженной улице, она была всего одна в этом населенном пункте. Только детский дом в центре Ильичевки, а нам надо выйти на окраину поселка. Вложив свою руку в ладонь Алии, и, чувствовала, как мелкая дрожь проходит по телу. Мы приближались к дому мальчика Валика.

– Валек! Так странно звучит имя. Когда он вырастит, его тоже так будут звать? – спросила я у Алии.

– Нет! Он будет зваться Валентином, – ответила Алия.

– Мы пришли? – взглянув на Алию, задала я вопрос.

– Да, Тamarа. Здесь и живёт Валек.

Дом был аккуратный и маленький, в окнах горел свет. Навстречу выбежал пес с пушистым черным хвостом и громко залаял.

– Раз никто нас не встречает, то дома никого нет! – пыталась сопротивляться я. – Если к нам кто-то приходил, то мама всегда встречала, а потом провожала до двери. Там висел звонок, и были три фамилии. Нам нужно звонить три раза...

– Молодец! А говоришь, что ничего не помнишь.

– Если бы ещё вспомнить свою фамилию? – прошептала грустно я.

Пес лаял и не пускал нас во двор. Наконец дверь в доме хлопнула и нам навстречу вышла женщина.

– Простите, что не встретила! Валечка заболел, вчера температурил, но сегодня готов заниматься. Он ждет тебя, –

обратилась ко мне женщина. – Ты ведь круглая отличница, поможешь ему?

– Постараюсь! – ответила я. – Какая красивая у вас собака! Можно, я её потрогаю? У нас тоже была собака, но она жила дома в нашей квартире и звали её Буся.

– Боюсь, что нет! Наша собака знает только своих, – ответила мама Валека.

– Правильно, я – чужая! Я для всех чужая, потому что у меня нет родных, и мамы с папой тоже нет, – обиженно сказала я.

– Извини, что-то не так? – испуганно и удивленно спросила меня мама Валика. – Бедная девочка! Прости меня, если я обидела тебя, травмировала.

– Алия, а что такое травма? – поинтересовалась я, глядя ей в глаза.

Алия ничего не ответила, почему-то отвернулась от меня, и я услышала её всхлипывание. Она, закрыв лицо руками, плакала. Почему-то плакала и мама Валека.

– Я кого-то обидела? Говорила же вам, Алия, не надо было мне сюда идти. Наверно, меня плохо воспитывали?

Тамара тяжело вздохнула и чего уже не ожидали женщины: первая вошла в комнату, позвала:

– Пойдёмте, чего стоять в дверях, – как маленькая старушечка пригласила женщин девочка. – Мне свои ещё уроки сделать нужно! Некогда мне! – женщины улыбнулись и последовали за ней.

– Раздевайтесь! В доме тепло, почувствуйте себя свободно. Проходите в зал, а я сейчас Валека позову.

Она прошла в другую комнату и оттуда вышел мальчик, горло его было обвязано теплым красным шарфом. Мальчик пристально посмотрел на пришедших. И тут случилось то, чего не ожидал никто.

– Тамара! Сестренка! – пытался закричать он, но сиплый голос этого не позволил ему сделать.

– Валюшка! Валька! – Тамара рванулась к нему, раскинув руки.

Они обнялись и не могли расцепить руки долго-долго. Плакали все и дети и женщины.

– Это сестра моя! Как вы её нашли? Скажите, разве такое может быть? Мы возьмем её к себе? – взглянув на свою новую маму, спросил Валека. Женщины переглянулись и мама Валика ответила:

– Конечно, возьмём!! Разве можно разделять брата и сестру?– Я знал, что тебя найду, обязательно найду, Тамара! Ты даже не представляешь, как я скучал. Подожди!

Валик побежал в свою комнату, выдвинул чемодан и вытащил небольшого медвежонка.

– Твоя любимая игрушка. Я знал, что ты найдёшься, а мишку всегда хранил, возьми! – сказал Валик, вытирая слёзы.

На следующий день Тамара переехала жить к Валеку. Алия с мамой Валика занялись оформлением соответствующих документов.

– Удачи, тебе, Тамара! – пожелали мы ей, оставшиеся четыре Тамары, надеясь, что за нами тоже когда-нибудь придут папы и мамы.

***

Оккупация.

Каждое утро мы отмечались в комендатуре. Процедура унижительная. Нас считали по головам полицаи, высматривали и проверяли всех в каждом доме. Передвижения в другие деревни были запрещены. Немцы боялись партизан. О них я уже слышал и, конечно, как и все мальчишки, хотел бить немцев и полицаев, пускать под откос поезда.

После проверки все шли работать на каменный карьер: женщины, старики и мы – дети. Зброшенная штольня, таких в нашем округе было немало. Камнями мы мостили дорогу. Есть и пить не разрешали. От жары и тяжёлой работы плохо соображали все. У меня часто стала идти кровь из носа.

– Терпи, Юрик, терпи! – прикладывая к носу холодный лист лопуха, говорила мама. – Когда же их, проклятых, погонят от нас?

– Замолчь! – подбежал к нам полицай. – Давно виселица пустует. Ещё слово скажешь в адрес немецких властей и будешь раскачиваться на площади, помяни моё слово! – толкнув маму, сказал полицай. – И гадёнышу своему скажи, чтобы шевелился, чего расселся?

– Плохо ему! Видишь, кровь, не могу остановить. Не по мальчишке такая работа. Лошади не выдерживают, а у вас дети работают...

– Молчать, я сказал! – перебил маму полицай. – Тебе слово никто не давал. Будете работать, пока не сдохните! Нам земли

германские власти пообещали, заживём наконец-то по-человечески. Все, что у нас отобрали в двадцать девятом – все вернём, а вас батрачить возьму. Мне рабочая сила нужна. А хочешь, замуж тебя возьму, баба ты справная, – он заржал, как конь и отошёл от нас.

– Мразь! – тихо сказала мама. – И убить-то его некому. Скольких уже в полицию сдал. На прошлой недели зверствовал, думали, потопнет в болоте, так нет выбрался.

– Надо заманить его в лес и там прикончить, – предложил я ей.

– Ты даже думать об этом не смей! Не смей, слышишь! Тогда всей деревне не жить, спалют, как Луговую, вместе с жителями.

– Но ведь кто-то же связан с партизанами? Летят поезда под откос с немецкой техникой. Нужно искать человека, кто связан с партизанами.

– Да как же ты его найдешь? Это практически не возможно. Давай будем работать. Ты уж постарайся не падать больше в обморок, пристрелит он тебя. Без тебя мне тоже не жить, сынок!

Утром нас всех опять собрали у комендатуры: полицаи поймали на «железке» партизана. Предстояла казнь прямо у нас на глазах. Тех, кто закрывал глаза и старался не смотреть, по приказу офицеров пристреливали на месте.

Его вывели из комендатуры, на груди вырезали звезды. Кровью запачканная рубашка, почти ничего не видели глаза, потому что лицо распухло от побоев.

– Всем смотреть сюда! – приказал немецкий офицер. – Кто будет не смотреть, расстреляйт, – на ломаном русском продолжал он.

Так получилось, что мы с мамой оказались в первых рядах. Сразу не узнали его: это был папин брат. Я ужаснулся, когда узнал в нем дядю Толю.

– Чей родственник? – спросил немецкий офицер. – Кто есть его родня?

Но никто ему не ответил, все стояли молча.

– Ещё раз повторяю: «Чья это родня?»

Ответа на вопрос он не услышал...

Зная, что за этим может последовать расправа, матери стали прикрывать собой детей. И они, словно, маленькие воробушки, вжимались и крепко обнимали старших.

– Лёшка! Кончай с ним! – слышался окрик полицаа.

Подтолкнув прикладом избитого и еле идущего партизана, немец ради забавы дал очередь из автомата по верху голов собравшихся людей. Послышались стоны и крики, кровь раненых и убитых окропили площадь.

– И так будет с каждым! Кто не будет подчиняться геру офицеру. Кто будет портить немецкое имущество, взрывать поезда.

Дядю Толю повесили и ещё два дня не разрешали снимать, угрожая расправой каждому, кто попытается приблизиться к нему. Ночью пошёл дождь, он стучал по крышам, словно слёзы за эти два пережитых дня. А к утру, соседи сказали, что на соседней станции взорвали эшелон с немецкими танками.

– Так им и надо! Чтоб все сгорели, как эти танки! – передавали мы друг другу, радуясь и негодуя одновременно.

Я стал считать, сколько поездов пустили под откос партизаны. Хотелось тоже помочь нашим солдатам громить фашистов, но всех, кто был старше десяти – двенадцати лет ждало новое испытание: нас должны были отправить в Германию, погрузить в товарняки, словно скот.

– Мама, я убегу! Не смогу жить там, на чужой стороне, всё время пригибаться перед этой немчурой.

– Сынок, мне тоже без тебя не жить, но если не пойдешь добровольно, тебя пристрелят здесь же на месте. Этого горя я не вынесу. Завтра сказали явиться всем в комендатуру.

– Кого ещё со мной?

– Колю Дубового, Аркадия и тебя, – ответила плача мне мама.

– Аркаша он – инвалид, ногу подтаскивает. Зачем им такой? Мама, они его пристрелят! Он не сможет забраться в товарняк.

– Знаю, Юра! И полицай, зная о его увечье, к ним домой первый пришел.

– Зараза! Хоть бы шлепнул его кто!! Откуда берутся предатели?

– Он всю жизнь всем завидовал, делал подлости. То корову чью-нибудь в плавни загонит, то сено спалит, то дом. Потом вообще из нашей деревни исчез – мы вздохнули спокойно. А с немцами появился, словно оборотень. Зверь лучше его будет...

Утром почти из каждого дома уходили подростки. Собралось нас человек пятнадцать, а то и больше.

Всю провизию немцы покидали в кучу, а потом подожгли. Под конвоем, выстроив по два, решили вести по дороге к

станции. Матери в глаза я не мог смотреть. Кричали, плакали, просили за нас они, стоя на коленях.

– Шнель! – была команда.

Я взял Аркашку под руку и, не успевая за колонной, мы шли с ним самые последние. Остался позади последний дом нашего села и нас повели по дороге, постоянно подгоняя, избивая прикладами.

На полпути Аркадий не удержался и упал, а я просто не успел его подхватить.

– Ах, ты, мразь! Давно надо было тебя пристрелить, – крикнул полицай.

– Не трогайте его! Видите, идти ему совсем тяжело.

– Дозаступаешься, сейчас! Гаденыш! – огрызнулся полицай.

Щелкнул затвор ружья и раздался выстрел.

Аркадий упал на колени, закрывая рукой, начавшую пропитываться кровью рубашку. Он, казалось, ещё не осознавал, что это в него стреляли и пытался подняться. На лице застыли испуг и изумление.

– Не останавливаться! Пошли, я сказал! – но он не успел закончить фразу. Меткими выстрелами кто-то сразил конвой.

– Ребята, бегите! Бегите в лес! Скорее!

Это было подобно чуду. Мы добежали до леса, а там, в зарослях дикой калины нас ждали партизаны. Среди них я узнал родного брата нашего полицая.

– Не смотри так Юрка! Не брат он мне. Давно за ним охотился. Наконец, возмездие свершилось... – ответил на мой вопрос дядя Игнат.

– Одна мать породила. А дороги у вас разные, – сказал я, смело, глядя ему в глаза...

***

Побег

...Когда пулеметы строчат из самолета, то кажется, что все пули у тебя в спине.

– Ложись! Ложись! – кричит мне мама и сама падает на меня.

Только тогда не слышишь противного визга пуль и даже не страшно. Мама прикрывала мою голову простым ведром, когда мы ехали в какой-то машине.

– Пусти! Пусти! – кричал я. Совсем не понимая, что так и надо было. Так ужасов не видно.

Но маму убили... Нам, детям, страшно было терять родителей, а если это происходило у тебя на глазах?

...Её автоматной очередью расстрелял немецкий солдат. От неожиданности я тоже упала и лежала не шевелясь. Немец подошел к нам, стукнул сапогом маму, занес сапог надо мной, но тот, что шёл рядом с ним, грубо прикрикнул на него и немец прошёл мимо меня.

Когда всех погнали в колонне, пыталась запомнить эту местность, чтобы непременно вернуться и похоронить маму.

– Беги, дочка, беги и не оглядывайся! Будешь отставать – пристрелят. Поверь мне! – сказала мне какая-то женщина.

Она взяла меня за руку, и мы побежали с ней вместе.

Сколько бежали? Не помню... На небольшом привале женщина мне сказала:

– Теперь тебя звать Наташа Ковалёва и ты моя дочь.

– Нет! Нет! Нет! – заплакала я. – Я мамина дочь и звать меня Ирой Сазоновой, слышите?

– Успокойся! Я знаю, девочка, знаю! Но сейчас так надо, мне надо и тебе, чтобы выжить, понимаешь, чтобы не умереть в этом аду, – она трясла меня, пытаюсь успокоить и привести в чувство.

– Тебя звать Наташей Ковалевой, повтори! – и женщина взглянула мне в глаза.

– Меня зовут Наташей Ковалевой... – повторила я, отвернувшись от неё. – Зачем это вам? Я всё равно не ваша, вы бросите меня.

– Если бы я хотела это сделать, прошла бы мимо и никогда на тебя не взглянула. Моя девочка погибла. Она твоего возраста... – помолчав, сказала женщина. – Нам просто необходимо с тобой выжить для того чтобы после войны найти твоих родственников, а мне по другой причине: спасти сейчас от одиночества и горя, которое на меня обрушилось. Иначе я на себя руки наложу...

Я подбежала к ней, обхватила её шею и стала целовать щеки, губы, лоб совсем незнакомой мне женщины.

– Пойдем скорее! Нам нельзя отставать от колонны.

– Куда они нас гонят? – Не знаю, дочка! Говорят, что на станцию. А что будет дальше? Никто из нас не знает, Наташенька.

Чужое имя вновь резало мой слух, но теперь так было нужно и с этим необходимо было смириться.

По дороге в нашу колонну вталкивали очередных беженцев и нас становилось все больше и больше. Втайне каждый надеялся спастись: убежать, спрятаться.

Попытка бегством каралась расстрелом. Несколько человек у оврага решили убежать, но автоматные очереди не оставили никого в живых. Они не щадили ни женщин, ни детей.

– Не смотри, Наташенька! Зинаидой Петровной меня звать. Запомнишь? Мы из под Бобруйска. Деревня Лутошкино, жили на улице Солнечной, дом два. Запоминай, Наташенька! Не раз тебя об этом спросят. Нас пригнали на станцию Снежить. Подали состав и только тогда мы поняли, что он предназначался для нас.

Ничего, не объясняя, всех загрузили в состав

– Куда нас теперь? – спросила моя новая мама у охранника, видимо, из наших местных, из белорусов.

– Молчать! Молчать! Не будоражить народ. В Германию повезут, за счастье должны считать! Заткнитесь, твари! – он замахнулся на женщину с ребёнком, которая начала кричать и проклинать фашистов и его вместе с ними.

– Кто не зайдет в вагоны добровольно: приказано стрелять. А я уж постараюсь приказ выполнить, не беспокойтесь! – орал охранник. – Бросили вас волки. Вот им – защитникам своим скажите: «Спасибо!». Пошевеливайтесь, я сказал!

И он выстрелил из автомата в старенькую бабушку, которая не смогла подняться в вагон.

– Как дойдём до вагона, сразу ныряй под него. Под вагоном проберешься на другой путь и беги, беги, дочка! – сказала мне Зинаида Петровна.

– А вы, а ты, мама? – посмотрела тревожно я на неё.

– Я так не смогу. Тебя прикрою, специально создам затор, а ты беги, беги, дочка!

Она подтолкнула меня, я упала, она на меня, другие, кто шли за мной тоже повалились с ног. Послышалась опять автоматная очередь. Немец стрелял уже по упавшим. По моему лицу потекла чья-то кровь.

– Тетя Зина, мама!! – закричала я, но голоса своего не услышала.

– Быстрее, дочка, быстрее! Бросай всё и беги, дай бог свидимся.

Она не договорила: её рука дернулась, а сама она как-то вытянулась, и нос её заострился.

– Мама Зина! Мама Зина! – сквозь рыдания, кричала я. – Как без тебя буду?

У края перрона образовалась суета, и я воспользовалась ей. Потихоньку спустила ноги через перрон и шмыгнула за колесо вагона. Спрятавшись, выбрала момент, когда немец отвернулся, и начала перебегать короткими перебежками до следующего состава, стоящего на путях.

О страхе не думала, как-то вся сгруппировалась, когда стреляли, нагибалась. Цвет моего пальто был примерно такого же цвета как железнодорожная насыпь. Споткнулась, упала в какую-то канаву.

Было очень холодно. И снился мне сон, что мама и мама Зина укутывают меня в теплое одеяло и поочередно говорят ласковые слова.

– Наташенька, солнышко!

– Ирочка, радость моя!

Когда открыла глаза, увидела старенькую бабушку, укрывающую меня одеялом.

– Пришла она в себя! Пришла, дед, слышишь! – говорила она кому-то. – А то ведь уже и не чаяли тебя живой увидеть. Думали, подстрелил тебя немец, как и мамку твою.

– А вы кто?

– Не бойся девочка. Тебя здесь никто не обидит. Намаялась, бедненькая. Поспи еще, поспи. Сон он лучше всего сейчас будет для тебя, – ласкового погладила меня по голове шершавая старушечья рука.

– Вы кто? – переспросила я, отстраняясь от незнакомой старушки.

– Теперь мы твои дедушка и бабушка. Всем так говори. Привезли тебя к нам из города, в гости. Я – баба Маша, а он – дед Кузьма. Звать тебя как?

– Наташа, нет Ира! – быстро ответила я.

– Так не бывает. У человека только одно имя. Так Наташа или Ира?

– Для мамы своей была Ира, а для тети Зины, что меня спасла, стала Наташей, – тихо проговори я. – Только их убили: сначала маму, а потом маму Зину.

– Видели, как вас всех давеча на станции расстреливали фашисты. А ты шустрая, видать, убежала?

– Да...

– К нам с дедом прибежала и так застучала в окно, что стекла чуть все не переколотила. Как в дом забежала, так и упала в обморок. Почитай сутки ни на что не реагировала: спала или без

сознания была – мы с дедом так и не поняли. Ну да, ладно! Пришла в себя и хорошо! Правильно говорю!

– Да, – кивнула я, совсем успокоившись. – Вы не выдадите меня фашистам?

– Нет, внучка! Обещаю, спи! Ни о чем не думай... Закрывай глаза, и пусть тебе приснится только хороший сон, внученька. Спи, родная! Дитяtko мое, многострадальное!

Засыпая, я чувствовала на своей голове её шершавую ладонь. Слышала, как дед Кузьма укрыл меня шалью, от чего стало спокойно и тепло. Но во снах мне опять виделась мама, моя добрая мама, мамочка: единственная и любимая.

***

Тревога

Мама не пришла...

К тому, что папа не приходил, я привык: папа был военным, уезжал на долго в другие города и иногда брал меня и брата с собой.

Брат еще ничего не понимает – он маленький и родился перед самой войной. Даже говорить еще не умеет. Я укачивал его, как учила мама. Когда Валерка уснул, услышал вой сирены и чей-то голос предупредил: «Граждане, воздушная тревога. Спускайтесь в убежище». Кто нас об этом предупреждал, я не знал, но понял, что если так сказали, значит, нужно спускаться в подвал и там переждать время бомбежки.

Кое-как одел спящего Валерку, он начал плакать.

– Замолчи! Не плачь! Так надо! В бомбоубежище досмотришь свой сон. Тебе, какая разница, где спать? Не реви!

Замотав его в одеяло, я захватил бутылочки с водой и несколько пеленок, вспоминая на ходу, что всегда брала мама, когда такое случалось. Аккуратно положил кричащего брата на кровать и захватил ещё документы – так их мама называла, они всегда лежали в красной коробочке.

– Надо бы маме взять кофту или плед в серую клеточку вдруг мы на долго, – подумал я.

Брат мой просто орал, а не плакал.

– Тихо, я сказал! И как с тобой мама справляется? Если бы я так орал, дом бы уже разрушился! Иди ко мне!

Все спускались в бомбоубежище. Увидев меня с братом на руках, какая-то женщина предложила свою помощь:

– Давай понесу! Тяжело ведь, совсем ещё маленький. Давай, вдруг, уронишь?

– Не дам! Мама не разрешает никому его в руки давать. Не дам. Если хотите, возьмите плед, а то я в нём совсем запутался.

Женщина свернула плед и пропустила меня с Валеркой вперёд. В бомбоубежище уже было очень много народу. Все лавочки были заняты, но она подняла кого-то и усадила меня с орущим братом.

– Может ему водички дать? – спросил я у неё. – Не знаю, как его успокоить? Мама всё умела, но сегодня не вернулась. Где теперь её искать, ума не приложу.

– Не переживай! Будем надеяться, что она, конечно, придёт.

– Только не надо меня успокаивать. Если не пришла, значит, что-то случилось с ней. Люди просто так не пропадают, – и я разрыдался.

– Ты же большой уже! Тебе брата доверили, плакать совсем нельзя. Он ведь всё понимает и чувствует. Успокойся, малыш! Тебе сколько лет?

– Шесть, – ответил я. – Вы не смотрите, что я такой маленький – это скоро пройдет. Обязательно вырасту, папа у меня высокий и красивый. Я обязательно буду военным – это точно.

– Смотри, затих твой брат! Видимо понял, что надо молчать и уснул.

– А может, он умер? – испуганно вскрикнул я и быстро открыл одеяло, прикрывавшее лицо Валерки.

– Спит! Слышишь, дышит, даже посапывает.

– Как я боюсь оставаться с ним один. Мне все время кажется, что он умер! Мне бывает так страшно, тетя, вы даже себе не представляете!!

Она обняла меня, но совсем не так, как обнимала мама.

– Странно, такие же руки, а обнимают не так, как мама. Неужели все женщины такие разные?

– Ты чего шепчешь там, малыш?

– Так рассуждаю, – ответил я, но женщина вдруг почему-то рассмеялась.

– И смеетесь вы совсем не как мама.

– Так вот ты о чём, – удивлённо обронила женщина.

– Ты сравниваешь меня со своей мамой? Нет! Одинаковых женщин не бывает, как и не бывает одинаковых мальчиков и девочек.

– Это я знаю. Мы с братом совсем не похожи друг на друга. Я светловолосый, а он смотрите, какой тёмный, – показал я на брата.

В радиоприёмнике опять послышался чей-то голос: «Отбой! Отбой тревоге!»

– Сейчас придём, а мама вас уже ждёт у дома, – сказала мне женщина.

Валерка не плакал, спал: видимо пригрелся на руках.

– Пойдем! Ты, в каком доме живешь?

– В тридцать втором. А ты? Ой, простите «Вы»?

– В тридцать четвертом, – ответила она мне.

На улице у меня закружилась голова и я чуть не упал. Хорошо, что Валерку несла женщина. Подойдя к своему дому, я увидел разрушенные стены: от дома не осталось ничего.

– А где дом? – вырвалось у меня. – Куда мы теперь денемся?

Возле дома плакала, стоя на коленях, женщина. Она причитала и кричала:

– Сашенька, Валера, дети мои, простите! Родные мои! Деточки, да будет проклята эта война! Что же я скажу Сереже. Сашенька, Валера, родные мои!! Горе то, какое! О, горе, горе!

– Мамочка! Мама! Мы здесь! Мы вот они! Я и братик! Не плачь! – как можно сильнее прокричал я.

Мама обернулась на крик. Побежала к нам, а я к ней. Падал, вставал и снова падал. Она схватила меня и всего стала целовать. Потом мы обнялись, и так, рыдая, стояли долго-долго. Женщина держала на руках Валерку и тоже плакала.

***

Расстрел

Был очень теплый день. Солнце нагревало траву. Теплый день, теплая трава – мы босиком. На том месте, куда нас согнали, устраивались всегда праздники, проводились митинги или просто все пели. Мама с отцом хорошо пели и их всегда приглашали петь на праздниках в хоре.

У всех, кого собрали, были просто каменные лица. Странно, говорят, люди должны предчувствовать свою смерть. Но не плакал никто, даже мы сбились в одну кучку.

Обычно стояли отдельно от девчонок: не любили мы их, да и связываться никогда не связывались, за косичку дёрнем и

убежим. А сейчас стояли возле девчонок и так нам их стало жалко. Нас сейчас всех расстреляют каратели, так было уже в двух сёлах – наше было на очереди.

Матери не держали нас возле себя, только все время шептали:

– Если сможете, бегите, дитятки.

– Куда?

– Куда угодно, либо притворитесь, что вас расстреляли, ну, что мертвые вы уже, – говорила мама моего друга Пети Скобуева.

В нескольких шагах от нас уже поставили пулеметы, и возле него сели два эсесовских солдата, о чем-то разговаривали, показывая пальцем на нас, смеялись. Потом подошел один из офицеров.

– Кто из вас скажет, где партизаны – будет жить! – сказал он всем. – Все будут молчать, расстреляем всех.

– Слышишь, Петька, они точно нас сейчас покрошат. Интересно, кто из нашего села выйдет?

– Не знаю, разве найдутся такие предатели?

– Еще раз спрашиваю: «Кто держит связь с партизанами? Время даю ровно три минуты!», – сказал эсесовец в черном плаще и высокой фуражке.

Все молчали.

Я видел, как солдат снял затвор, зарядил ленту и взял пулемет в руки. До нас было два метра, до кого – десять. Жались теснее друг к другу, кто-то что-то кому-то говорил, но не словами, движением руки, глазами. Я, например, ясно представлял себе, что нас расстреляют и всё. Жалко, с отцом не встречусь, да и мать оставлять одну никак нельзя.

– Последняя минута пошла... И вам капут.

Из тех, что стояли впереди, солдаты отсчитали десять человек. Дали им лопаты и сказали копать яму. А меня и Петьку погнали ближе смотреть, как они копают. Копали быстро-быстро. Когда яма была готова, она была такая большая, как под дом или фундамент.

Расстреливали по три человека. Поставят у края ямы – и в упор.

Остальные смотрят...

Я не помню, чтобы родители прощались с детьми. Не прощалась со мной и моя мама, хотя стояла, совсем рядом. Ужас парализовал всех от мала до велика. Стали отбирать маленьких детей у женщин.

Вот только когда закричали все наши братья и сестры, закричали наши матери. Женщин сталкивали в яму, а детей бросали отдельно.

– Дитятки, родненькие! Пустите! Пустите!

Тетка Полина пошла на пулемёт.

– Стреляй! Стреляй, гадина! Всех не перебьешь!.. Нас убей, но детей не тронь. В чем они виноваты?

Раздался одинокий выстрел, но не со стороны офицера, наоборот, тот упал в песок. Затем ещё и ещё. Били точно, по-снайперски. Мы с Петькой легли на землю.

– Наши бьют! Прицельно.

Скоро из немецких солдат никого не осталось. Очистив площадь от оккупантов, к нам вышли партизаны. Вот тогда прорвало всех: кто кричал, кто плакал, кто поднимал из ямы тех, кого уже успели расстрелять. Заголосила вся деревня.

– Простите, что не успели! Теперь собирайтесь, берите детей и за нами в лес – к партизанам. Хоронить будем ночью, если каратели сюда не нагрянут, а сейчас главное уйти! Времени нет, товарищи!

Мы с Петькой побежали к своим матерям оставшиеся в живых, через минут двадцать уходили к партизанской стоянке, далеко в Белорусские леса.

***

Овчарка

Через Больничичи шли войска. Тогда мы с сестрой ещё не понимали, что это отступление. Приветствовали всех, но лица у солдат были не радостные, скорее всего грустные.

– Мама, почему они ни с кем не разговаривают? – спросила я маму.

– Не знаю. Видно нечего сказать, – сказала она, глядя в окно.

В нашей хате расположилось много солдат. Все почему-то старались взять нас с сестрой на руки, предлагали сахар. Но мама не разрешала его брать и к солдатам запретила нам подходить.

– Не надо им этого, не давайте. Путь у вас нелегкий, самим пригодится. Девочки, отойдите от солдат.

– А сахар? – спросила я.

– И сахар не берите! Нельзя, я сказала.

Мы покорно отошли от солдат.

Они простояли у нас ещё ночь, когда утром проснулись, то никого не увидели, только на столе лежала небольшая горстка сахара.

...Немцы появились в селе неожиданно. Как будто окружили село со всех сторон. На мотоциклах, пешие, на танках. И село, сразу как вымерло, неслышно было, даже лая собак.

– Мама, это враги? – спросила Оля. – Враги – это не наши солдаты. Я никогда к ним не подойду.

Послышались автоматные очереди.

– Спрячьтесь и не высовывайтесь. Быстро под кровать, – скомандовала нам мама.

В дом вошел солдат и выстрелил в тот угол, где висели бабушкины иконы и лампадка.

– Зачем? Что вам от этого? – услышали мы голос мамы.

Немец рассмеялся. Вдруг в открытую дверь ворвалась большая чёрная овчарка. Она, обнюхав дом, бросилась к нам под кровать.

– Мама, мамочка! – закричала Ольга испуганно.

А собака, схватив её за руку, выволокла из под кровати мою сестру. Это случилось так быстро, что это событие застало нас врасплох. Кричала от боли Ольга. А собака просто разрывала руку сестры.

Мама сняла чугунок с кипятком, стоявший всегда на печке, и вылила воду на собаку. Послышался одиночный выстрел – это немец выстрелил в овчарку, затем что-то приказал своему денщику, тот быстро достал аптечку из чемодана, взял на руки потерявшую сознание Ольгу и стал аккуратно обрабатывать раны.

Я вылезла из под кровати, думала, что он сейчас убьет сестру. Мама вытаскивала во двор собаку.

Что-то дали понюхать Ольге, она пришла в себя, закричала и заплакала одновременно. В хату вошла мама, опустилась на колени перед Ольгой. Немец продолжал бинтовать руку, отчего Ольга вскрикивала.

– М-Мама, с-собака где? – спросила она заикаясь. – Э-то п-плохая с-собака. Злая! – сказала она и опять потеряла сознание.

Немец опять что-то сказал денщику и тот, держа Ольгу на руках, направился к выходу.

– Не отдам, не отдам! – кинулась к нему мама. Она обхватила его ноги и не давала сделать шагу денщику. Тогда офицер подошёл к маме, поднял её и сказал:

– Киндер нужен врач! Врач, госпиталь, понимайт!

Он схватил Ольгу и выбежал из дома, мы за ним.

– Дочку отдай! Отдай дочку!

– Оля, Олечка! – кричала я.

Он принёс Ольгу в колхозный сельсовет. Там теперь располагалась комендатура. Мы за ним, но нас грубо оттолкнули немецкие солдаты.

Слышно было, как плакала Ольга.

– Мама, не плачь. Они её не обидят, покажут врачу, – успокаивала я маму, но она меня не слышала, голосила, причитала:

– Оленька, доченька! Родная моя, кровинушка!

И тут дверь сельсовета распахнулась, и тот же офицер вынес на руках нашу Ольгу.

– Приносить будешь на перевязку. Врач её лечил. Завтра придёшь.

Мама потеряла сознание. Ольгу я взяла на руки, а маме их доктор опять дал что-то понюхать, и она пришла в себя.

Офицер проводил нас до дому. А потом показал фотографию, где были изображены две девочки с женщиной.

– Это мой киндер: Ирма унд Эльза, – сказал он маме.

Ольга шла на поправку медленно, а заикание осталось на всю жизнь. Собак боялась страшно, всегда за меня пряталась или того хуже – падала в обморок, если чужая собака к нам во двор забегала. Своей мы никогда не держали, боялись за её самочувствие.

А немца того часто вспоминали, значит, были и нормальные люди среди них, не изверги.

